908
С 29
Крс 75635
Кр. 63.4(2)
С-29

Ф. Я. Селезнев.

ПРИОКСКИЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ.

ВЛАДИМИР
—1928—

13.02.97
18.02.97
13.11.99
26.11.99
30.11.99
КРС. 75635
ПРОСТОК СРОКА ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА
Кол-во ич. пред. выдач
4.3.75
8.12.75
31/III 80
20/IV 83
16/VII 91
19.12.95
24.02.96
12.03.96
14.03.96
15.03.96
28/XI 96
28.03.99
06.02.00
10.02.00
14.02.00
7.10.00
18.12.00
9/IX 01
12.09.01
4.11.01
4.11.01
22.09.01
15.07.03
07.09.04
14.09-04
5/X-04
28.11.04
12.02.05
2006
15 АПР
2008
2009.
2010.

902
С 29

Ф. Я. Селезнев.

Археол.

24

ПРИОКСКИЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ.

Библиотека
инв. №
Владимирского Арх.

Кр. 63.4(2)2
С-29

Стоянки на реке Теше[1]).

В связи с открытием неолита у Волосова гр. Уваров высказался о возможности находок подобной культуры на соседней реке Теше. Я, исходя из соображений о значении малых рек в древности, был того же мнения. С обнаружением стоянок на Илемне, Ушне и Муромке[2]) подобная уверенность во мне возрасла еще более. Осенью 1925 года мне удалось выполнить задачу обследования бассейна Теши, предварительно запасшись сведениями о непотопляемых буграх, расположенных по старому ее руслу.

Одним из таких бугров является т. н. Садовый Бор, в среднем течении названной реки, к юго-западу от с. Позднякова, на расстоянии полутора километров от этого селения.

Это типичная дюна волосовского строения, расположенная среди поймы; бывшее русло реки разрезает ее на две части: меньшую – к югу и большую к северу; последняя представляет площадь около одного километра в квадрате, с красивыми холмами и перевалами внутри; до настоящего времени ее покрывает сосновый лес. Возвышенность приподнята больше всего в южной и юго-восточной части, где был берег старой реки. Весенние водоразливы ежегодно производят здесь разрушения почвы, хотя растительность и оказывает им сопротивление. Подошва дюны, размытая водою, шириной метров в 60, вдоль всего бугра представляет тройной ряд террас, на первой из них заметен жженый слой или „пал", свидетельствующий о былой человеческой борьбе с растительностью.

Стоянка оказалась рядом с самым высоким местом, на средней террасе, против небольшого озера—остатка реки. К сожалению, место было испорчено самовольными раскопками, отчего мои работы не получили должной полноты и результаты их порою оказываются не совсем ясными[3]).

---

[1]) Теша приток Оки в окрестности Мурома, впадает справа, в 3-х верстах ниже города. Ширина 15-20 сажен.

[2]) Реки по соседству с Тешей. Стоянки открыты мной в 1916-24 г. (Труды Муромск. научн. о-ва, вып. 1-й).

[3]) Подростки с. Позднякова под руководством одного из учащихся шк. II ст. напали на это место и частично его раскопали.

Стоянка расположена на такой высоте над уровнем соседнего луга, что стала потопляемой; судя по сохранившемуся откосу соседней террасы, до размытия весенними водами почвы здесь должно было быть от одного до двух метров.

Проложенные траншеи длиной в 30 метров с северо-востока на юго-запад до основного песка дали следующий профиль: сверху толщиной до 15 см. лежит намывной песок, далее в 5-8 см. угольный слой; последний в сторону центра ямы идет несколько вглубь, затем снова поднимается постепенно вверх; далее, книзу, мощностью в метр и местами в 1½ метра, залегает темнобурая масса, переходящая на границе с основным дюнным песком в совершенно черный цвет. В северо-восточном конце траншеи в таком расположении слои выходят наружу с постепенными повреждениями выше лежащих, с противоположной стороны они тупо упираются в наружный песок. Две траншеи, проведенные через центр ямы, в эту сторону пришлось продолжить дальше остальных, так как здесь вырисовывался выход из ямы; на некоторой глубине темный слой был завален опустившимся сверху песком, который в свою очередь оказался прикрытым другим наносом. Дно ямы почти на половине длины дает некоторый под'ем кверху, затем после небольшой волны в обратную сторону идет почти ровно до конца. В глубокой яме заметно скопление гари с углем и выщелочившейся золой; здесь же оказались два небольших остатка трубчатых костей крупного животного.

Профиль поперечного разреза представляет ту же картину. Здесь слои, вследствие разрушения их весенними водами, выклиниваются на поверхность в направлении спуска террас к подошве дюны. В противоположную сторону, к бугру, как и следовало ожидать—они оказываются неповрежденными; наибольшая мощность их здесь до 2½ метров.

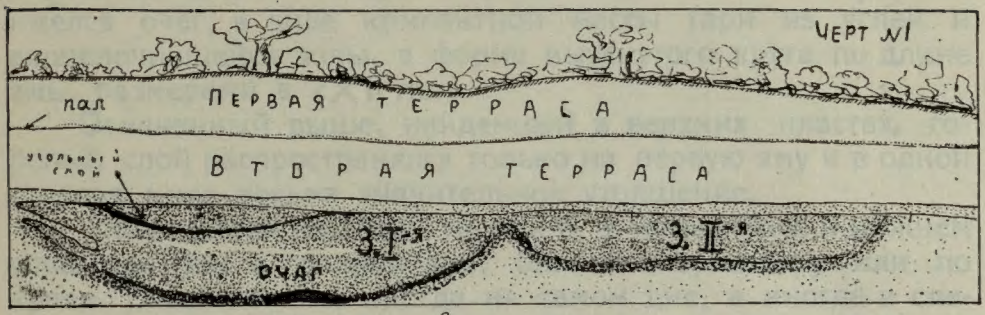
Далее, другими траншеями, параллельными продольной, перевернута была вся почва, содержащая культурные остатки. В результате получилась следующая картина:

В толще основного песка некогда была вырыта продолговатая яма овальной формы, длинная ось которой, направляясь вдоль террасы, имела 16 метров, короткая — около 10 метров. Глубина в средине до 2½ метров, которая к бокам несколько уменьшается, отчего дно представляется слегка вогнутым. Бока ямы кверху немного расширяются. Яма таким образом кажется ладьевидной.

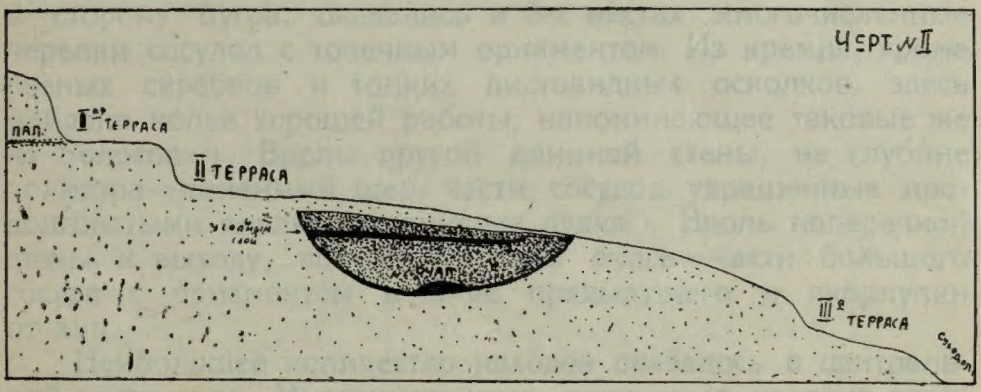
С одной стороны, юго-западной, в направлении длинной оси со дна поднимается выход в виде корридора, длиной до 2½ метра и почти такой же ширины.

Стоянка „Садовый бор“:

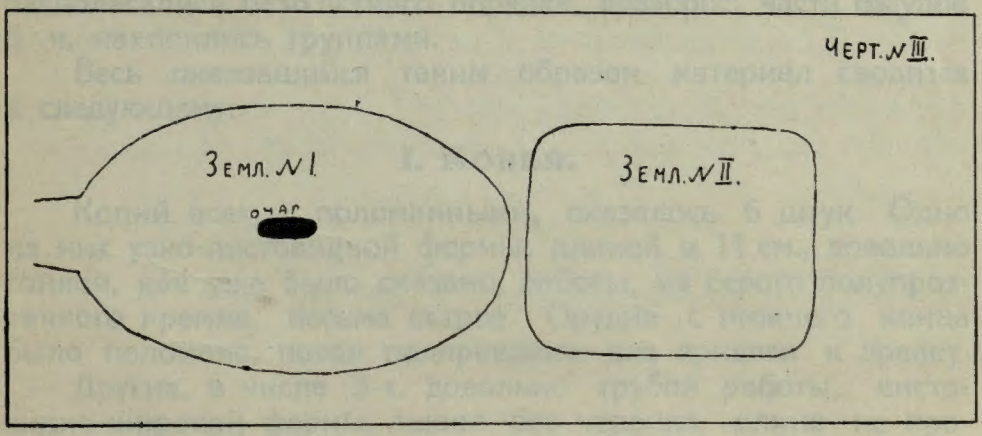
(Чертежи землянок].



Продольный разрез землянок

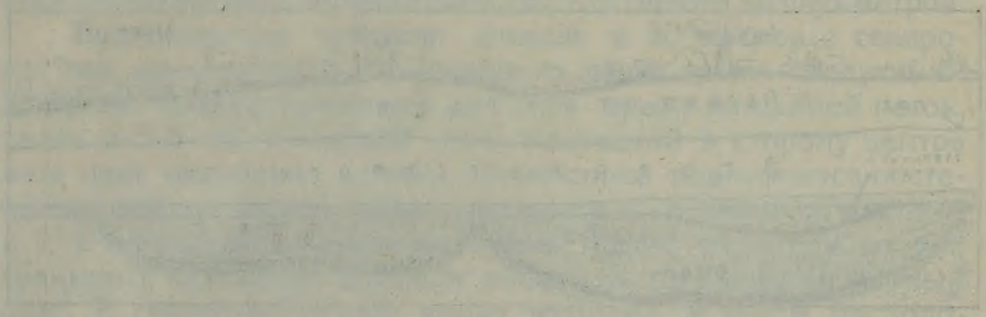


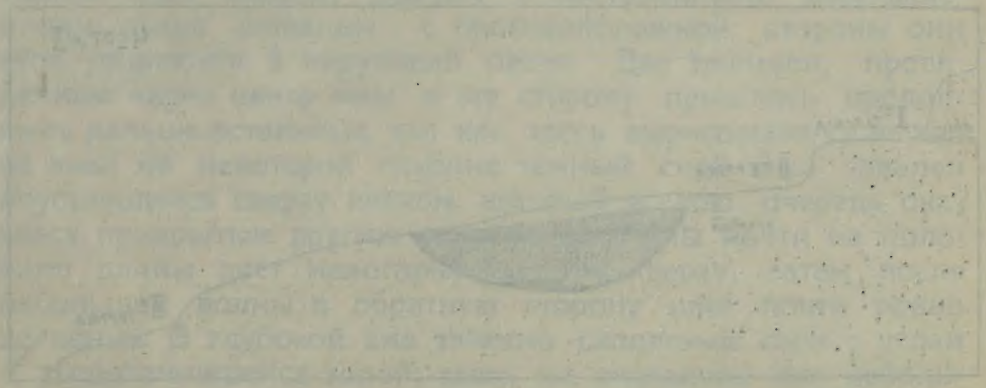
Поперечный разрез бугра по землянке №I.

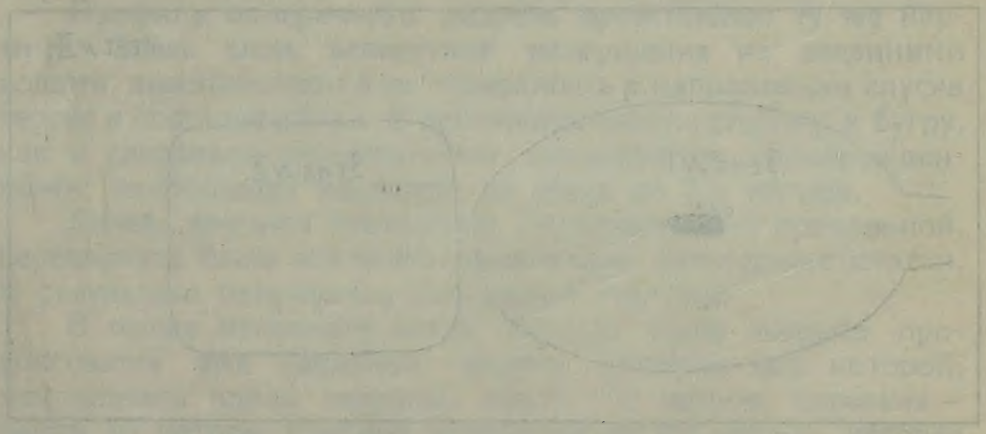


План землянок.

Масштаб: 1:200 метра







К этой яме, в сторону, противоположную выходу, примыкала другая, несколько меньшая, как по занимаемой площади, так и в глубину, формой близкая к четырехугольнику, с ровным дном. На дне первой ямы, почти в середине, имелся очаг, в виде компактной массы гари из углей и выщелочившейся золы, в форме вытянутого круга по длине ямы, размерами в 2×1 метр.

Отмеченный выше, найденный в верхних пластах, горелый слой распространялся только на первую яму и в одной стороне имел весьма значительное утолщение.

Что касается находок, то они б. ч. попадались в нижнем слое, при чем в главной яме, ближе к ее центру или по краям. Вещи лежали иногда на самом дне, а иногда в следующем за черным—буром слое. Так, вдоль длинной стены, в сторону бугра, оказались в 2-х местах многочисленные черепки сосудов с точечным орнаментом. Из кремня, кроме разных скребков и тонких листовидных осколков, здесь найдено копье хорошей работы, напоминающее таковые же из Волосова[1]). Вдоль другой длинной стены, на глубине полметра—каменный шар, части сосудов, украшенные продолговатыми ямками, и глиняная дудка[2]). Вдоль поперечной стены, к выходу, вблизи остатков очага—части большого сосуда с орнаментом в виде предыдущего и скорлупки от яиц.

Наибольшее количество находок оказалось в центральной части ямы. Многочисленные кремневые изделия здесь располагались безо всякого порядка, вразброс; части сосудов б. ч. находились группами.

Весь оказавшийся таким образом материал сводится к следующему:

I. Копья.

Копий всех, с поломанными, оказалось 6 штук. Одно из них узко-листовидной формы, длиной в 11 см., довольно тонкой, как уже было сказано, работы, из серого полупрозрачного кремня, весьма острое. Орудие с нижнего конца было поломано, потом подправлено для привязи к древку.

Другие, в числе 3-х, довольно грубой работы, листовидно-широкой формы, также без черенка, длина не превышает 6 см.

---

[1]) Коллекции Муромского музея, поступившие от П. С. Уваровой без описаний.

[2]) Относительно этой находки высказаны были предположения в смысле отнесения ее к славянской поре или к еще более позднему времени. Я решительно против этого, находя ее древней. Основанием к этому служит глубина залегания находки, совместно с другими несомненно древними вещами и то, что бор в более позднее время не мог быть обитаемым. Ф. С.

Одно копье, дошедшее в двух обломках, без средней части, превосходит по толщине все остальные и, кроме того, не имеет совершенно явственно обозначенного рабочего конца,—оба конца тупые, отчего вещь можно считать скорее наконечником бурава. Длина 7 см.

Наконец, последнее—трехгранной формы, присаживавшееся в ращеп древка, размером в 7 см., крайне примитивной выделки.

II. Стрелы.

Стрел с обломками найдено 8. Одна узко-листовидная, с небольшим стержнем, среднего размера, слегка зазубренная по краям—тонкой выделки.

Более грубой выделки, без стержня, такой же формы, как и предыдущая, размерами в длину от 4 до 5 см., цельных—4 шт.

III. Скребки.

Скребки подразделяются на следующие группы: 1) толстые туфлевидные, с слегка загнутым концом, длиной до 8 см., без ретуши—1 шт., 2) тонкие острые, без ретуши, разных величин неправильной формы—20 шт., 3) ладьевидные и клювовидные с заострением с обоих или с одной стороны, с загибом (кочедык), размером от 4 до 7 см. в длину—7 шт., 4) ножевидные, с изгибом в одной плоскости, длиной до 5 см.—4 шт., 5) трехгранные, со стержнем, длиной 16 см. (ретушь только с одного конца)—1 шт., 6) ножи-пилы, длиной до 6 см. обоюдоострые с ретушью, 7) тонких широких скребков с ретушью, полуовальной, трапецевидной и других форм—95 шт.; 8) скребков широких, крупных, б. ч. трапецевидных, без ретуши—7 шт.; таких же более мелких 10 шт.

IV. Ядрища.

Ядрищ из кремня, оббитых до придания им кругловатой формы разных величин—37 шт. Ударников 4 шт.

V. Клевцы.

Клевцов прямых и с изгибом, длиной до 10 см.—3 шт.

VI. Долота.

Долота из кремня обделаны грубо, есть с заточкой. Тылье тупое, но без следов удара во время работы, или острое, рабочий конец у одного экземпляра с желобком,—всего 3 шт.

VII. Кубической формы кремневый инструмент с желобковатой бороздкой вокруг для привязывания, 4,5 см. в ребре—1 шт. К этой группе примыкает кремневый шар около 4,5 см. в диаметре, с бороздкой вокруг для привязи (см. рис. табл. 8-я, № 1-2).

Кроме этого оказалось довольно большое количество мелких и крупных кремневых осколков без ретуши, некоторые из них могли применяться в значении ножей, другие, узкие—в значении проколок и шильев,—всего не одна сотня. Отдельно от этого куски поделочного кремня, куски камня другой породы (песчаника и шифера).

Керамика.

Глиняные изделия представляются огромным числом частей сосудов, которые могут быть разделены на следующие группы:

I. Днища сферической или конусовидной формы, с точечным орнаментом и др. оттисками (особенной гребенкой, пилкой или веревочкой). Из них следует отметить один экземпляр с весьма толстыми стенками, с орнаментом изнутри (мелкими точками). Размер в трех случаях средний, один большой и один малый,—всего 6 образцов (см. рис. табл. 6-я, №№ 1, 3—5а и 5б, табл. 7-я, № 9—11).

II. Черепки от краев с теми же орнаментальными элементами, дополненные луночками (украшения идут б. ч. и по бережковому краю: точки или оттиски гребенкой) 49 образцов.

III. Черепки от средней части тех же сосудов неизменно богато украшены. Общая площадь до 18 кв. децим.

Сосуды указанного типа представляют полушарную вытянутую форму, с некоторым отгибом края вместо „горла". Край бывает иногда и неотогнутым, а просто пристукнутым, отчего он сильно утолщается; иногда бережок оттянут или заострен посредством косого обреза кнаружи.

Украшения особенно обильны вдоль края. Прежде всего украшен самый край ямками или косо идущими оттисками гребенкой. Затем, под шейкой идет поясок из ямочек или луночек (оттиски полукруглым инструментом вроде трубчатой кости или растительного полого стебля с зазубринками по обрезу) (см. рисунки: табл. 6, № 5с).

Далее, идут обычно в несколько рядов ямки, глубина которых иногда доходит до выпячивания стенки с обратной стороны. Ряды ямок иногда разделяются или перемежаются мелко-гребенчатыми, пильчатыми или веревочными поясками (табл. 7-я, рис. №№ 1-10).

Глина в этих сосудах краснобурого цвета, довольно вязкая, слабо обожжена. Закалка, судя по черной поверхности черепков с внутренней стороны, производилась с помощью жара, помещаемого в самый сосуд.

IV. Части сосудов с плоским дном и самые днища. Сосуды этого рода ручной работы, нередко толстостенные, главным образом, двух видов: в виде плошки и горшка с пузинкой, при чем последний вид имеет шейку, завершающуюся иногда весьма большим отгибом края. Глина б. ч. серого цвета, содержащая иногда примесь крупного песку, снаружи красноватая, что указывает на обжиг с внешней стороны. Орнамент б. ч. гребенчатый, реже веревочный и линейный с геометрическим рисунком (в елку, городками или ромбами) (см. рис. табл. 7 №№ 11-22).

Горшки по шейке иногда имеют традиционные ямки, при чем последние делаются не только с наружной стороны, но иногда и изнутри. Украшения обычно располагаются вокруг горла и никогда не заходят ниже пуза.

По величине такие сосуды бывают весьма разнообразны, начиная от огромных корчаг до маленьких горшечков.

Тип плошки также имеет украшение из элементов, подобных предыдущему, с такими же рисунками, но украшения иногда распространяются на более значительную часть поверхности сосуда. Сосуды эти обычно с очень толстыми стенками и доходят до значительной величины в диаметре (около 50 см.).

Выше было отмечено, что черепки при нахождении залегают группами, но они, будучи собранными, никогда не дали такого количества частей, чтобы из них можно было составить цельный сосуд.

Во второй яме был найден небольшой осколок стрелы и несколько черепков с ямочным орнаментом, не считая незначительных осколков кремня.

Оказавшийся таким образом материал по количеству представляется внушительным, относительно него не лишне сделать некоторые замечания.

Во-первых, все почти орудия по обделке носят примитивный характер. Исключение представляет 5-6 экземпляров (копья рис. № 3 и стрела рис. № 1, табл. 1), которые нужно признать занесенными из другого места. Наряду с техникой отжима господствующим способом в обработке камня является удар, доведенный до последней степени ловкости, благодаря чему получались какие угодно по тонкости осколки. Все тонкие скребки без ретуши и средние с ретушью могли иметь

значение ножей, ввиду их острых краев. От изгиба самого куска кремня зависела получаемая иногда изогнутая форма (кочедык).

Во-вторых, совсем отсутствует шлифовка, несмотря на употребление камня мягких пород; один шиферный скребок хотя и представляется гладким, но это получилось в результате его заточки при крайне незначительной твердости породы. Такая же заточка видна и на кремневом долотце (рис. № 25, табл. 3).

В-третьих, здесь отсутствует кость в качестве материала для выделки орудий. Правда, по условиям почвы, костей в этом месте вообще почти не сохранилось; отмеченные выше остатки из кухонных отбросов дошли до нас в сильно разрушенном виде. Тем не менее костяные поделки могли бы найтись, если бы они здесь были, так как для этих изделий выбирались самые твердые кости. Характерно, что в числе орудий здесь почти нет шильев, где с большим удобством применялась и кость. Также нет проколок; экземпляр под этим названием эф-образной формы (рис. № 2, табл. 2), можно отнести к „фигурным камням".

Вообще орудия стоянки Садового Бора крайне однообразны, нет казалось бы самых необходимых образцов— топоров, кроме нескольких, напоминающих их по форме, скребков; долота на все огромное число находок имеют 1-2 представителей (из кремня без заточек), их дополняют клевцы прямые и с изгибом (рис. № 15, табл. 2). Зато довольно много толстых тупых скребков всяких размеров (рис. 28-31, табл. 3) и форм, преобладают трапецевидные и овальные.

Ударники и ядрища также бросаются в глаза, при разнообразных размерах. Эту серию завершают два орудия— большое продолговатое из песчаника и меньшее шаровидное из кремня (табл. 8-я, рис. № 1-2). Первое, насколько это можно было, оббито до придания кругловатой формы и имеет желобок по окружности для привязки к дереву или просто к веревке. В первом случае из него получался основательный кистень (колотушка), а во втором— грузило для сетей. Второе орудие напоминает головку палицы или колотушки меньших размеров, чем предыдущая.

Относительно керамики нужно заметить следующее:

Образцы глиняных изделий здесь оказываются очень богаты по разнообразию форм краев сосудов и по орнаменту. Можно пожалуй даже сказать, что культура Теши в этом отношении превосходит другие по соседству. Черепки

от краев дают до 50 размеров сосудов [1]). Точечный орнамент варьируется на несколько ладов и ему соответствует круглое дно сосуда; черепков с гребенчатым орнаментом сравнительно немного, но они также богаты узорами и относятся к сосудам с плоским дном. Глина во-первых, или чистая, вязкая-красная, от коричневого до желтого, во-вторых с примесью дресвы, темная внутри и красноватая с наружной стороны изделия. Закалка всегда лучше в плоскодонных сосудах. Как особенность, можно отметить присутствие черепков с весьма хорошей закалкой, по технике напоминающих круговую работу, но их очень немного и сосуды, соответствующие им, малой величины и особой формы. Орнамент на них черточками получен режущим толстым инструментом, а узоры здесь геометрические.

Любопытной находкой оказывается вышеупомянутая дудка из белой, хорошо промятой, глины. Вещь сделана по способу детских свистушек, производимых нашими гончарами (петушки, барабанчики и т. д.). Дудка имеет вид конуса в 7 см. длиной, с отверстием в переднем конце для вдувания воздуха и с дыркой в боку для выхода его; в средине—один лад, на втором конце небольшой раструб. Судя по особым рубчикам у края раструба, можно думать, что к инструменту имелось дополнение в виде рога, как это делается у пастушьих дудок (накручивается лента из бересты), что уже не могло сохраниться (рис. таб. 2, № 6 д).

Гр. Уваров нашел нечто подобное в раскопках Вятской губернии, но там находка была из кости и не вполне сохранилась [2]). Хотя вещь найденная нами по отделке не представляет чего либо особенного и на ней, в противоположность остальным произведениям керамики, нет никаких украшений—тем не менее она сделана умелой рукой. В то же время отсутствие украшений при грубоватой выделке указывает, что вещь изготовлена не в мастерской, а скорее руками любителя.

Вопрос о том, не служила ли эта находка каким либо маяком или сигнальным рожком, можно было бы не поднимать, если бы не тот факт, что подобные инструменты являются до сих пор принадлежностью охотника и некоторые из них безусловно идут по традиции из древности. Судя по особым рубчикам на конце, наша дудка, повидимому, имела рог или резонатор и теперь, лишенная этого допол-

---

[1]) Существует предположение, что овалы частей этих сосудов, по причине плохого обжига, от долгого лежания в земле искажаются, загибы черепков выпрямляются. Такое соображение, однако, должно быть принято с оговоркой.

[2]) Уваров. Археология России, т. II, таблица 9, рис. 33461. Дудка здесь имела, кажется, два лада

нения, дает тон, похожий на обыкновенный свисток (присутствие лада и только что помянутого рога при этом являлось бы ненужным).

Тип жилища описываемой стоянки напоминает землянку, найденную В. А. Городцовым у с. Панфилова [3]) только не круглой, а скорее овальной формы. Землянок в раскопанном мною месте, можно думать, было две: одна жилая, другая в роде кладовой, непосредственно примыкала к ней. К сожалению, весенние воды размыли основания этих сооружений, а росшие над ямами деревья внесли в почву своими изгнившими корнями новую путаницу; кроме того, как было уже сказано, место было отчасти повреждено местными копателями, деталей «плана», поэтому, разобрать нельзя и многое приходится решать предположительно.

Над главной ямой нами установлен был компактный горелый слой, нельзя ли его считать следами бывшей крыши? Что касается «нар» по схеме проф. Городцова, какие он устанавливает в Панфиловской стоянке, то я не мог проследить их в этих землянках. Могу сказать одно, что орудия располагались в жилище двумя зонами—вдоль стен и вокруг очага, как это было указано в своем месте. Все это согласуется с порядком хозяйственной жизни и в позднейшее время: посуда и орудия для работы внутри жилья не должны валяться под ногами, при чем для горшков могли иметься специальные приспособления в боках землянки, на подобие полок; мелкие предметы и черепки могли быть потеряны или брошены у очага.

Вторую предполагаемую землянку называю кладовой потому, что в ней не найдено очага и инвентарь ее очень бедный. Очевидно, все, бывшее в ней, состояло из таких предметов, которые могли сгнивать или уничтожаться хозяевами.

В виду недостаточного материала, который был найден в смысле кухонных отбросов, трудно составить понятие о характере пищи и месте трапезы. Мясо крупных животных и яйца птиц не исчерпывали всего, что можно было получить на месте. Совсем не сохранились кости и чешуя рыбы, то, что находилось в других местах и особенно в Волосове.

---

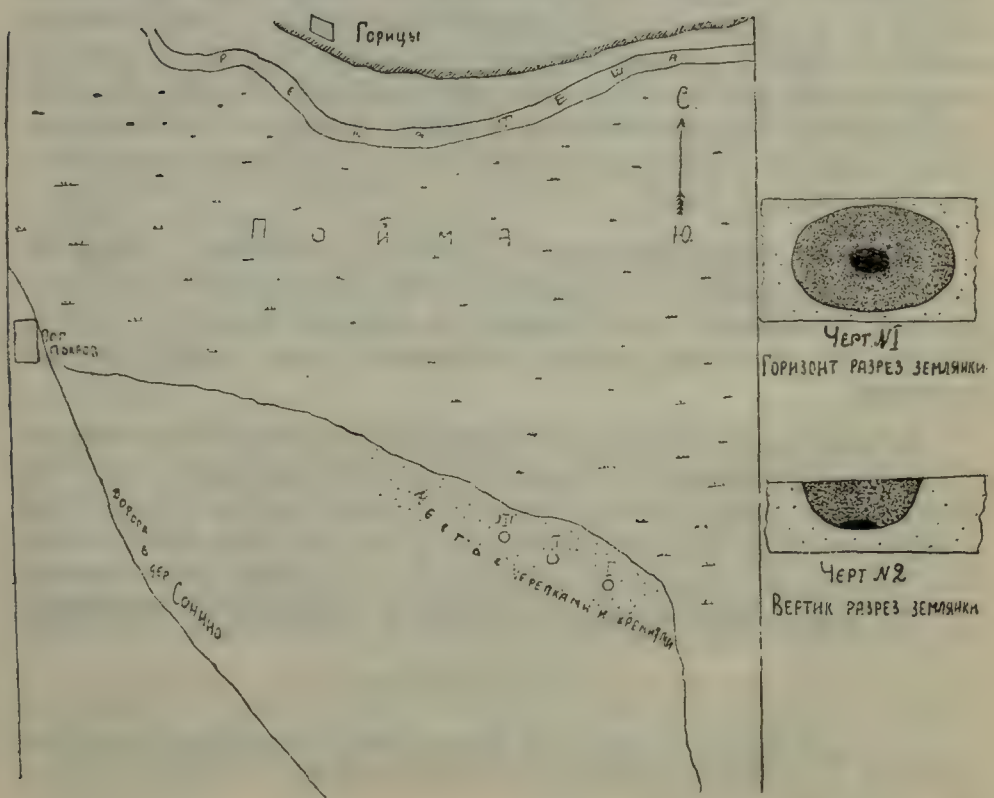
[3]) Стоянка открыта первоначально мной в 1923 г. Произведший затем раскопки проф. В. А. Городцов нашел здесь круглую землянку до 15 арш. в поперечнике. „Труды Владим. облмузея" 1925 г.

Стоянка у дер. Сониной.

Верст на 15 выше предыдущего пункта по Теше расположены селения Горицы—на правом берегу и Сонино—на левом. Тепершнее течение реки проходит у первого, вдоль высокой гряды, состоящей из пермских пластов глины, прикрытых диллювиальными песками. Теша здесь принимает небольшие притоки и расширяется, при чем дно ее становится настолько мелким, что в летние жары местами пересыхает, образуя островки. Левая сторона, пойменная, имеет характер луговой низменности, шириной 1-2 км., по которой кое-где видны ямы и озерки—остатки прежнего русла реки.

На границе долины с полевыми угодьями соседней дер. Сонино, на расстоянии полутора километров от последней, на северо-запад находится место в виде небольшой возвышенности с песчаной почвой, усеянное на поверхности осколками кремней и ямочными черепками. Место этой весной непотопляемо.

Схематический план местности стоянки у д. Сонино.



После нащупывания пробными колодцами было сделано три разреза почвы. Один в юго-восточном конце возвышенности, на границе песчаной почвы с соседней, имеющей темно-серую окраску, где кончается выброшенные наверх черепки и кремни, второе—на 10 метров далее на северо-запад и третье—на 20 метров в том же направлении (см план местности).

Пункт первый.

Площадь 6×2 кв. метров была прорезана первоначально крестообразно двумя траншеями в два метра шириной до подстилающей песчаной почвы. Вслед за тонким слоем (в 5-10 см.) полевой земли оказался слой черного цвета толщиной в 50-70 см. В слое попадались черепки с ямками и незначительные кремни. Развитие траншей во все стороны ничего существенно нового не дало.

Пункт второй.

Здесь, среди песчаного грунта, оказалось пятно 2×2 метра, содержащее черный культурный нанос до глубины 1 метра. После того, как этот слой был выбран, получилась яма кругловатой формы с овальными станками и дном, наиболее углубленным к средине, где оказались признаки бывшего костра, (черт. 1-2). Несомненно, это была землянка, но, в противоположность стоянке на Садовом бору, очень скромных размеров.

Находки культурного характера стали попадаться с самого начала работ. Так, на глубине 50 см. к южному краю ямы были найдены части большого сосуда из глины темно-красного цвета с ямочным орнаментом. Несколько ближе к центру, на глубине близкой по дну ямы, оказалась стрела из розоватого кремня, по работе напоминающая волосовские; неподалеку еще 3 стрелы, но уже грубой обделки и две части разбитого копья (—не доставало средней части, рис. 3, табл. 4).

Кроме оформленных скребков и ядрищ разной величины, а также кремневых кусков, как и в Садовоборской стоянке, здесь оказалось довольно большое количество тонких кремневых осколков, при чем некоторые из них имели по краям ретушь и, таким образом, свидетельствовали о прямом назначении служить орудиями. Всех предметов около 200.

Пункт третий.

На расстоянии 10 метров к западу от предыдущего пункта оказалась еще землянка размерами 4×3 м., также эллипсовидной формы с протяжением с запада на восток. Глубина около метра, с дном овальной формы [1]). В центре вырисовалось кострище с темным слоем гари в виде углей и золы с черепками, покрытыми сажей. Последние по характеру бывших сосудов и орнаменту совершенно сходны с таковыми прежних двух пунктов.

В слое, прикрывающем кострище, и по соседству с последним на дне ямы оказались следующие кремневые орудия:

Большой толстый скребок (рис. 7 табл. 5). Других скребков разной формы и величины—16. Одно копье листовидной формы и часть другого более грубой работы (рис. 1 и 2, табл. 5) и еще малое (рис. 3).

Осколков в значении ножей—31 шт. и других 35.

Черепки в общем сходны с таковыми же в Садовом бору и почти все имеют ямочный орнамент (табл. 9, рис. 1-13).

Только что рассмотренная стоянка среднего течения Теши дает материал, в общем сходный с таковыми же на Садовом бору. Сонинские землянки второго и третьего пункта однако отличаются чрезвычайно малыми размерами при незначительной глубине. Было бы рациональным поэтому принять их за жилище другого рода—за шалаши с углублениями. Такие малые землянки можно считать временными убежищами [2]).

Пункт 1-й не совсем раскопан и значение его не вполне выяснено в отношении к остальным. Если бы здесь была найдена землянка, то, по бедности оказавшегося инвентаря, ее можно было бы сравнить с таковою же на Садовом бору под № 2. Возможность существования „склада“ в этом месте особенно допустимо, если считать Сонинские жилища устроенными с промысловой целью.

---

[1]) Глубина, вероятно, была большей; верхние слои, под пахотой легко сползают в низменность по соседству, этим об'ясняется и то, что чернозем на месте землянок сверху не прикрыт другой почвой (п. п. II-й и III-й).

[2]) На дне ям второго и третьего пункта найдены кострища, что вряд ли противоречит сказанному предположению о характере названных жилищ. Правда, костер в летнее время года рыболовами и охотниками обычно разводится вне шалаша, но ведь древний шалаш мог служить убежищем и в холодное время года, даже зимой. Некоторые виды охоты и рыболовства ведутся именно в только что указанное время года. Затем, обилие всякого рода насекомых, вроде комаров, вынуждало промышленников древности прибегать к костру и летом в самом жилище, с помощью чего только и можно было заснуть. Кроме того, самые способы хранения огня, трудно добываемого, заставляли устраивать костер не кое-где, а в укромных местах—в ямах.

Какие особенности имел Сонинский район Теши во времена этих стоянок для древнего рыболова и охотника в сравнении с Садовым бором можно себе представить, исходя из условий, какие получают названные промыслы у верховьев небольших рек. У Сонина не бывает большой полой воды, как непосредственно в Окской долине. Следовательно, в то время, когда ближе к устью не оказывалось мест, удобных для добывания пищи, человек двигался сюда, ближе к верховью. Такое чередование в выборе угодий знают и современные рыболовы, и охотники с наступлением весеннего сезона. Особенно это могло иметь место в то время, когда процветал промысел сбора яиц. Болотная и водяная дичь весной на целый месяц бывает оттеснена от поймы разлившимися водами и начинает гнездование по лесным болотам.

Чрезвычайно большое значение имели в то время особые способы ловли рыбы, теперь ставшие запретными. Это всевозможные „запоры". До сих пор весной любители этого дела на малых речках устраивают плетни с окнами. Когда вода поднимается и рыба заходит в загороди, у окон ставят „верши", а то и просто корзины с тем, чтобы при начале убыли, в них попадала рыба. К сожалению, по условию почвы и влажности в ней наши раскопки не дали характерных для этого находок кухонных отбросов, чтобы иметь фактическое подкрепление сказанному. Другие находки по соседству на этот счет представляли достаточный материал. Была возможность и для других видов древних промыслов в районе Сонина. Это бобровые и пчелиные занятия.

Кости бобра (главным образом зубы) находятся не редко в Волосове. На Теше, как и на Велетьме, безусловно эти животные водились и составляли важную статью добычи охотника. Ниже указано место, носящее название „Бобровой гривы ",которое сохранило воспоминание об этих промыслах в своем названии. Садово-Борские ближайшие окрестности, конечно, также не исключали возможности обитания помянутых животных, но верхнее течение Теши все же могло давать в этом преимущества, как в силу малого поднятия реки в весеннее время, так и потому, что здесь имеются устья других впадающих речек.

Бортиевый промысел, отмеченный в хозяйственном укладе жителей Оки вплоть до XVII века, без сомнения, восходит к самой ранней поре истории этого края. В эпоху стоянок он, вероятно, существовал вместе с более простыми способами вынимания меда у пчел в дуплах. По соседству с Сонинской стоянкой находится много мест, удобных для пчеловодства до настоящего времени.

Все это говорит за то, что места в районе Сонина служили хорошим дополнением к тем угодьям, какими располагали окрестности Садового бора, и найденные здесь землянки могли существовать одновременно со стоянкой только что названного пункта.

Находки у Бобрового озера.

В самом нижнем течении Теша имеет целую сеть озер, большею частию потерявших видимую связь со старым руслом. К числу таких принадлежит озеро Бобровое. Что это остаток старой Теши, можно проследить по характеру местности, сохранившей особые борозды и ложбины по соседству. К одному концу такой ложбины примыкает названный водоем, в то время как другой ее конец направляется к Садовому бору—также бывшему берегу Теши.

На правой стороне озера сохранился бугор, по местному „грива", некогда высокий речной берег, теперь поросший побегами недавно сведенного дубового леса. Бугор по площади занимает менее 1 кв. кл., в настоящее время редко не бывает потопляем в весенние воды. Песчаный характер поверхности сохранился только в самой высокой части, рядом с озером, где теперь проходит дорога. Весенние воды разрушили часть бугра и обнажили залегавшие в нем кремневые орудия и остатки глиняной посуды древнего типа. Летом в 1924 г. один из жителей соседнего с. Дедова, проходя указанным местом, нашел обломок большой стрелы из кремня. Стрела попала в руки соседнего учителя, заинтересовавшегося работами по краеведению. Предварительное обследование на месте и следующее с разрезами почвы, к сожалению, не дали окончательных результатов, устанавливающих место нахождения стоянки.

Несколько севернее пункта, где найдена была стрела, в траншеях и на поверхности были собраны следующие незначительные находки:

1. Черепок из вязкой не крепко закаленной глины бурого цвета, толщиной 0,5 см. от горшка средней величины (20 см. в диаметре). Орнамент – ряд небольших точек, углубленных до выпячивания с обратной стороны и пояском из трех рядов продолговатых неглубоких ямочек между нового ряда точек.

2. Черепок от края без отгиба, толщиной 0,5 см., из глины темного цвета, с желтой подмазкой с обоих сторон, кривизна указывает на сосуд вроде миски. Диаметр 22 см. Орнамент из рядов редких неглубоких продолговатых ямок с наклоном.

3. Тоже, из глины бурого цвета, с песком, средней крепости закала, толщина 0,5 см., с матерчатым орнаментом.

4. Черепок от края без отгиба, из глины черного цвета, с желтой окраской с верхней стороны. Закал средний, диаметр 20 см., орнамент ряд неправильных точек.

5. Тоже с желтой окраской сверху, закал средний, толщина 0,5 см., орнамент—линейный, при чем линии изредка пересекаются под острыми углами.

6. Черепок от края без отгиба желтой глины с обоих сторон, средней твердости. Толщина 0,3 см., диаметр маленький—около 4 см., без орнамента.

7. Тоже, несколько штук, от сосудов средней величины (толщина 0,5—1 см.).

8. Тонкий небольшой скребок из красноватого кремня, с незначительной ретушью по краям.

9. Тоже, более толстый.

10. Небольшой кусочек железа, обратившегося в руду.

Некоторые черепки (без орнамента) несомненно поздние (финские). Культуру можно считать переходной к железу.

Находка у дер. Кутарина.

К юго-востоку от Садового бора по Теше на расстоянии 2-х клм. находится д. Кутарино. Здесь старая Теша сохранила характер настоящей реки. Перед самой деревней проходит овраг, бывший, вероятно, когда то речкой. Здесь, на правом берегу его, против огуменников, летом в 1925 г. во время пашни найдена была кремневая стрела жаловидной формы, без стержня, размером 4,5 см. в длину, шириной 1,5 см. и толщиной 0,3 см., довольно хорошей отделки. Инструмент оказался здесь, очевидно, случайно, так как почва в этом месте, по обследованию, не обнаружила следов древней культуры. Правда, за Кутариным, на склоне соседнего поля, к Теше, на расстоянии 50 метров от последней, найден такой слой довольно мощных размеров, но он по характеру содержавшихся в нем черепков принадлежит к позднейшей, вероятно **финской**, эпохе.

Необходимость общих заключений относительно Тешинской культуры приводит нас к рассмотрению некоторых особенностей последней, в связи с другими изученными пунктами этого рода по соседству.

В своем месте указывалось, что орудия Тешинских стоянок, вообще говоря, носят характер двух видов техники—высокой и примитивной, какая, впрочем, наряду с первой, попадается по соседству на Ушне и на Илемне. Обилие

кремневых осколков, найденных во всех пунктах, а также большое количество ударников, указывает на то, что большинство орудий производилось здесь на месте.

Тешинские черепки в некоторых образцах почти тожественны с керамикой всех неолитических мест окрестностей Мурома. Многие точечные рисунки и некоторые гребенчатые совпадают в том и другом случае до подробностей в деталях. Можно поэтому заключить, как я и ранее высказывался, о существовании во времена Окского неолита профессионального кустарничества в изготовлении орудий и утвари, при чем изделия служили предметом обмена [1]).

Но весьма незначительное количество орудий хорошего изготовления в стоянках Теши стоит в связи с другим фактом: копий и стрел вообще здесь оказалось мало. Повидимому, центр тяжести здешнего хозяйства находился в чем то помимо охоты на зверя или охота эта производилась такими приемами, которые не нуждались в орудиях названного типа. Между прочим, в описываемых стоянках оказалось порядочное количество мелких, до величины обыкновенного ореха, кремневых ядрищ правильной формы. Что это не простые остатки поделочного кремня, видно с первого взгляда. Но спрашивается: какое назначение имели эти камни? Так как в первобытном хозяйстве все предметы носили трудовой и полезный характер, то и указанные вещи не имеют чего либо случайного. Эти камешки всего менее могли служить игрушками, они также не могли быть грузилами, так как для этого имелись более удобные специальные изделия из глины.

Исторические указания употребления камней в применении метательных орудий и некоторые пережиточные формы современных инструментов этого рода, как „рогатка", навязывание камешка на пастуший кнут, в виде боевого средства, наводят на мысль, что и эти камни также предназначались для метания. Круг охотничьих средств в таком случае для жителей Теши расширяется.

Многочисленные острые скребки, найденные в стоянках, указывают на преобладание занятий, состоящих в резании, распарывании и скоблении. Наблюдения над современной жизнию в подобных местах могут дать кое-какие указания на этот случай.

Для плетения рыболовных загородей на малых реках и для изготовления вершей требуется большое количество прутьев. (Самое слово „верша"—вершие, ветки—древней

---

[1]) Археология окрестности Мурома. Труды Муромск. Научн. О-ва, вып. I-й, 1925 г.

формы). Несомненно, что при хозяйстве, где главной доходной статьей была таким способом добываемая рыба, нужны были и эти острые камни—ножи.

Срезалась также кора дерева, имевшая в первобытном хозяйстве широкое и разнообразное применение, как на укрытие жилья, так и на вышеупоминаемые борти для ловли пчел.

Насколько Тешинские находки характерны в смысле хронологии, нужно сказать следующее. Инвентарь Тешинского образца мною был найден на Ушне и из него, можно сказать, состоят находки Панфиловской стоянки. Но в последней оказались бронзовые орудия и В. А. Городцов решил всю стоянку отнести к металлическому периоду, правда раннему [1]).

Здесь уместно бы поднять вопрос о продолжительности существования найденных нами стоянок. Сколько времени жилые сооружения посещались человеком, наука с большей определенностью высказалась лишь в отношении пещерных жилищ, которые по своим особенностям могли противостоять разрушительному действию времени и давать готовый приют человеку.

Вышеописанные жилища типа землянок создавались целиком человеком и человек же мог их уничтожить или забрасывать намеренно и случайно. Относительно землянок, особенно значительных по размерам, все же следует заметить, что люди в древности должны были ими дорожить и передавать по наследству, так как для сооружения их, при тех средствах, требовались огромные усилия, да и место, где строилась землянка, выбиралось не случайно, а там, где было больше выгоды для хозяйства. Рессурсы, дававшие существование обладателям такой землянки, почти не истощались и жилище, при поддержке его, могло существовать неопределенно долго. В тех случаях, когда прямая преемственность в обладании „домом“ почему либо нарушалась и землянка на долгое время обращалась в развалины, восстановить ее все же было выгодней, чем строить новую. Вот почему можно думать, некоторые отмеченные нами пункты в отношении находок представляют скорее наслоения от разных культур, чем образцы одной культуры. Это даст, м. б., более правильный смысл и таким фактам, как находка бронзового „рубанка“ в Панфиловской стоянке. Свойственный современному человеку жилищный консерватизм, с любовью „к насиженным гнездам“, подтверждает сказанное. Черепки

---

[1]) Проф. В. А. Городцов.—„Памфиловская палеометаллическая стоянка. Труды Владимирск. обл. музея, вып. II. Губ. г. Владимир. 1926.

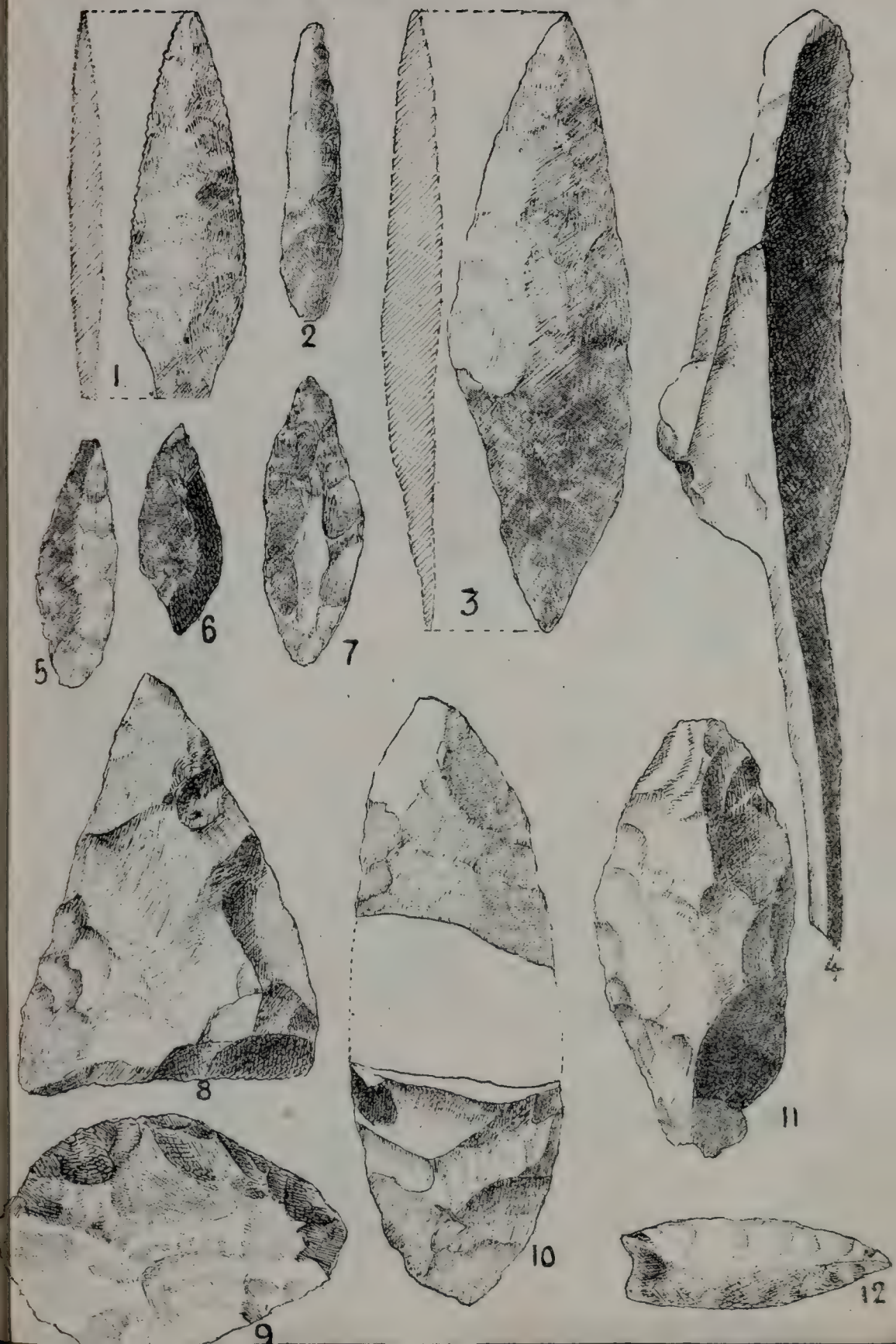
из необожженной глины от круглодонных сосудов, находимые вместе с закаленными от плоскодонных, дополняют эту мысль [1]). Между прочим, любопытен факт, что таких черепков нам ни разу не удалось собрать в количестве, достаточном для целого сосуда. Это с удобством можно об'яснить перерывами, разделявшими существование каждого из образцов, и тем, что цельные сосуды никогда не бросались. Такое соображение, особенно, подходит к разнородным черепкам, найденным в малых землянках у д. Сонина. Здесь большое количество сосудов не могло бы одновременно находиться просто благодаря размерам жилищ.

Таким образом, поселения на Теше могли начаться со времени настоящего неолита и достигнуть поры упадка этой культуры, как и по соседству на Велетьме, Илемне и Ушне. По условиям местности население продолжало быть захолустным и не только не успело пользоваться появившимися металлическими орудиями, но сюда редко заходили и обычные для соседей мастерские изделия из камня.

---

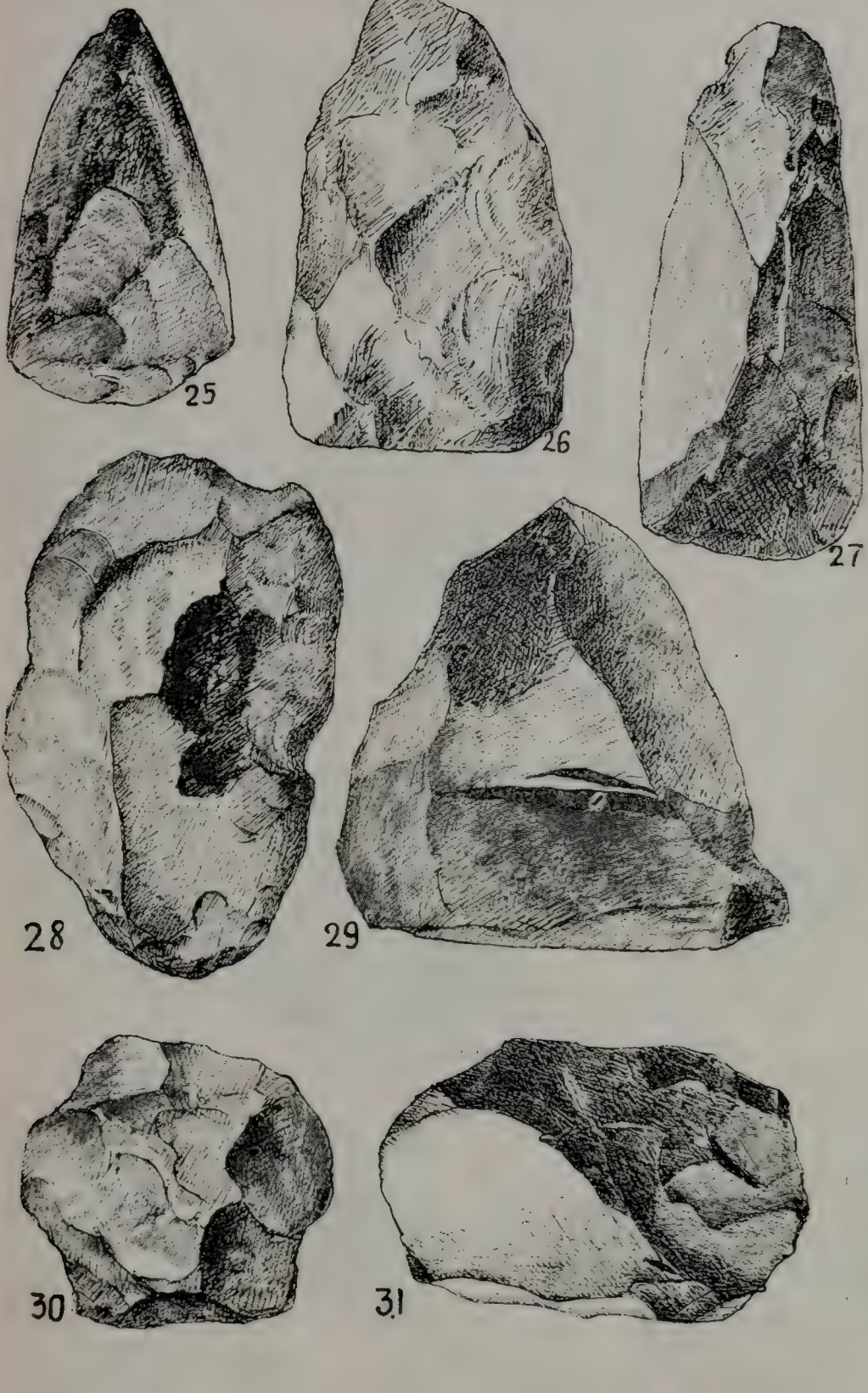
[1]) С этой керамикой можно бы сравнить находки у о. Вини, несколько ниже описываемых притоков по той же Оке. Материал, собранный нами, пока неопубликованный, представляет тот интерес, что посуда здесь исключительно круглодонная с точечным орнаментом. Очевидно, мы имеем дело в том случае с культурой одного и притом более раннего периода.

Образцы орудий Тешинских стоянок.



Образцы орудий Тешинских стоянок.

Образцы орудий Тешинских стоянок.



Образцы орудий Тешинских стоянок.

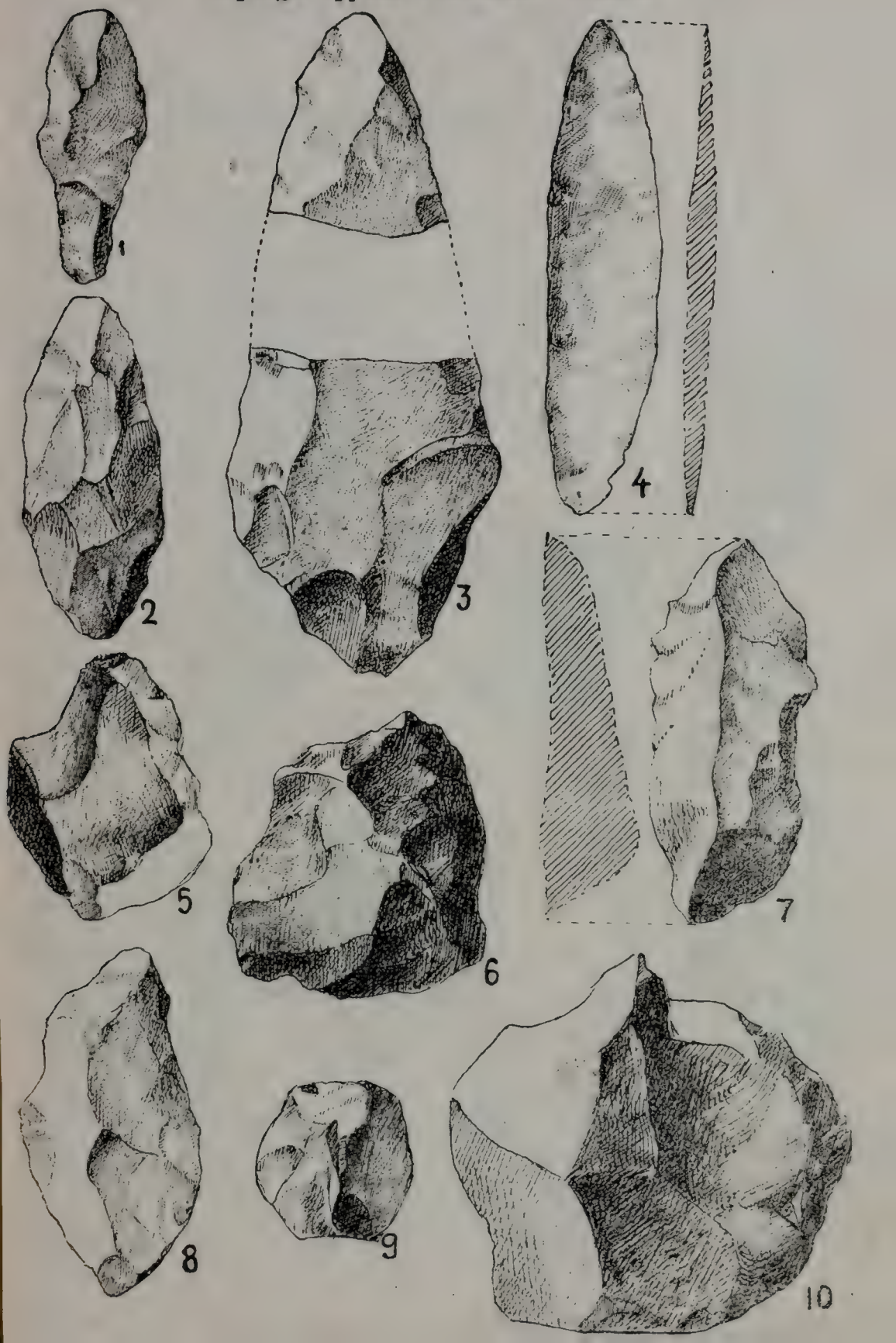
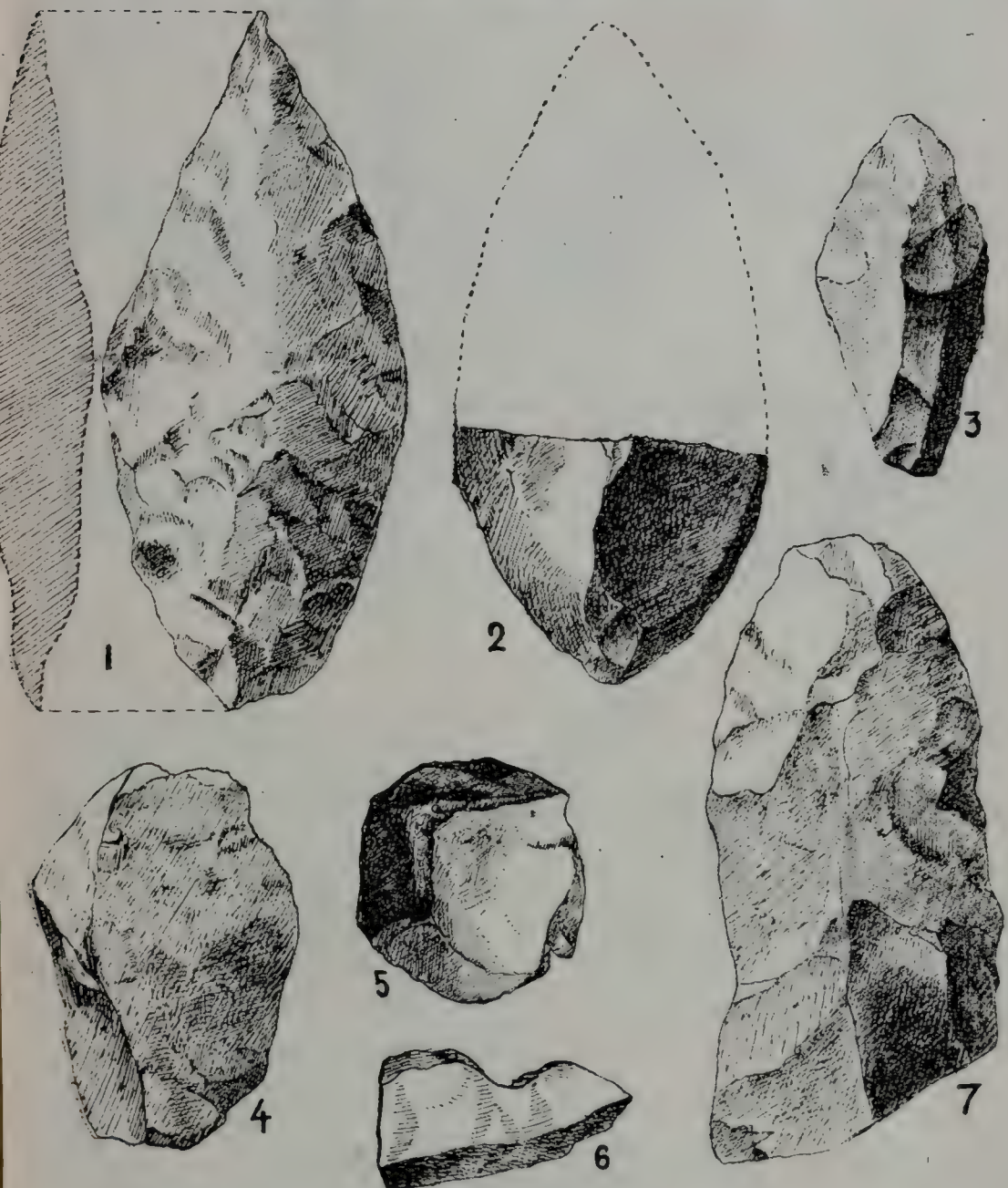
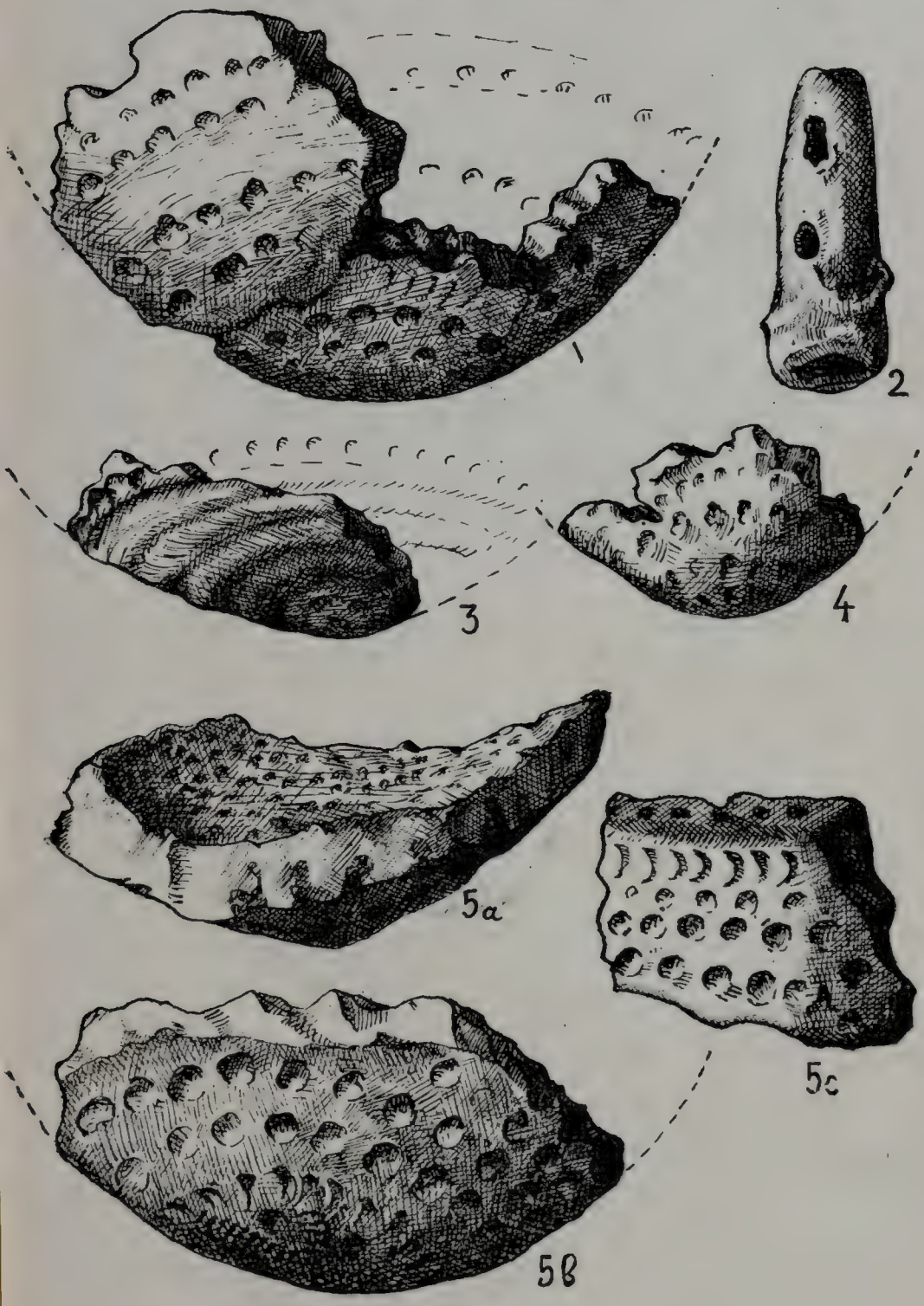


Таблица № 5.

Образцы орудий Тешинских стоянок.



Образцы керамики Тешинских стоянок.



Образцы орудий и керамики Тешинских стоянок.

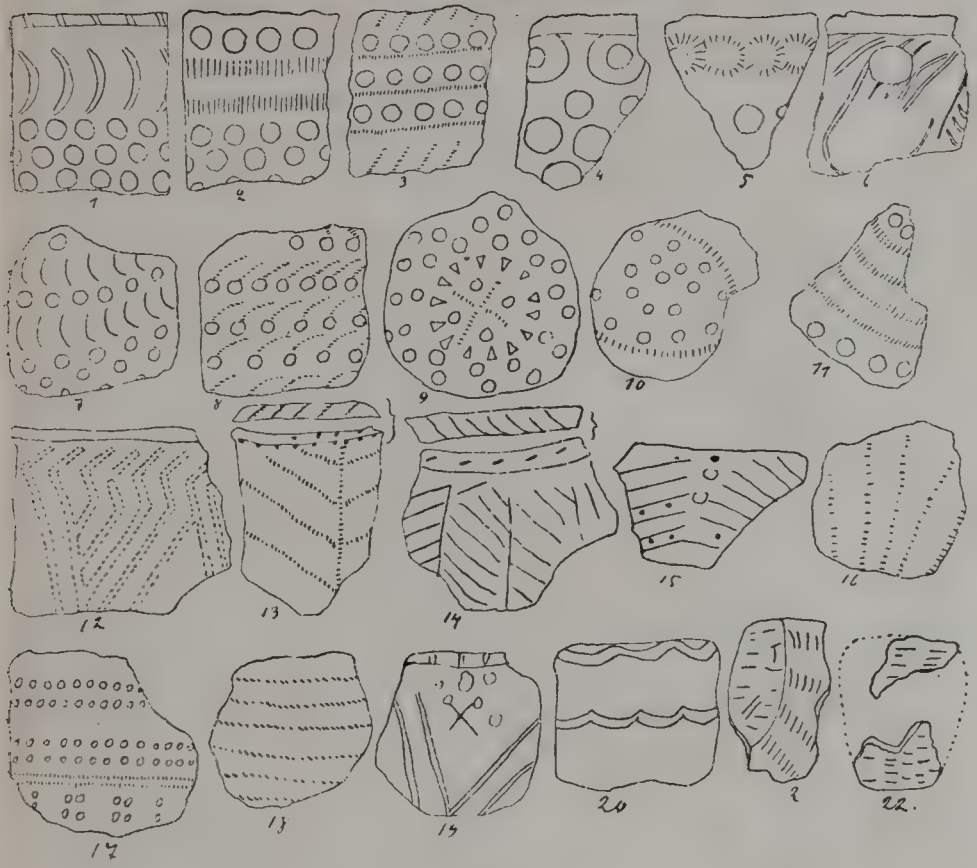
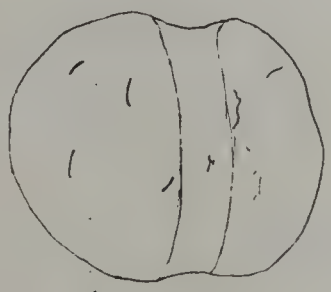
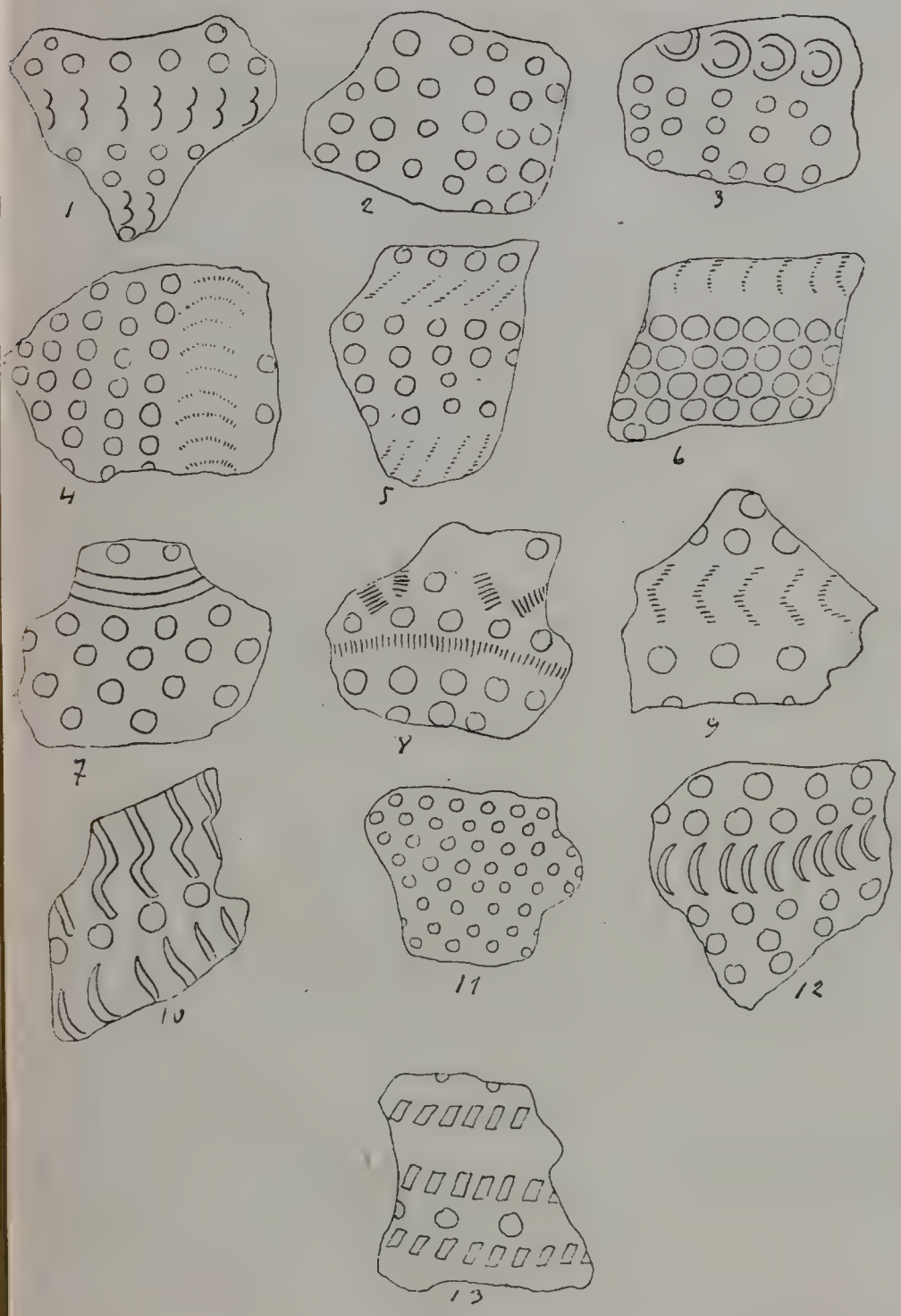


Таблица № 8.



Образцы керамики Тешинских стоянок.



Мало-Акуловская стоянка.

(Раскопки в июне-июле 1926 года).

Знаменитая Волосовская дюна своим продолжением имеет ряд бугров: на север Чаадаевский, оказавшийся теперь уже за Окой, а на запад—Малоакуловский. Последний, названный по имени соседней деревни Малоакулова, отстоит от Волосова на 2,5 километра, отделяясь от этого селения луговой долиной, потопляемой ежегодно. К Малоакулову тоже идет пойма, так что во время весны незатопленными оказываются лишь дюнные возвышенности. Длина названного бугра довольно значительна—около километра, но по высоте бугор поднимается выше предельной линии водоразлива только в западной стороне, к Оке, на расстоянии 5-6 километров от последней. Здесь высота над уровнем поймы такая, что в самые большие весенние воды бугор остается непотопляемым на несколько метров. По соседству, в сторону Оки, находится довольно значительное по величине озеро-старое течение р. Велетьмы, в то время, как новое ее течение ушло далеко на север—в луга. В расстоянии километра, у деревни Малоакулово, находится остаток старой Оки в виде довольно большого озера.

Бугор, как и Волосовская дюна, имеет сплошь песчаное строение. Непотопляемая часть несет растительный покров из дубового и других лиственных пород мелколесья. Южная, потопляемая, постепенно понижается к пойме и покрыта жестким вереском и травами, приспособленным к тощей почве. Северная сторона, к Велетьме, ежегодно подмывается и имеет обрез по длине всей возвышенной части. Здесь, почти на средине разрушенной возвышенности, обнаружилась после водополья 1926 г. небольшая землянка (см. черт. № 1), метров 8 шириной и мт. 2 глубиной, овальной формы; на дне ее, вросши в корни деревьев, оказался горшок сравнительно крепко обожженный, тонкостенный, с орнаментом из линий [1]); тут же в обвале была найдена великолепной работы кремневая стрела ланцетовидной формы (фот. 2, № 3).

[1]) Дна не сохранилось, но оно должно быть плоским.

До этого времени я неоднократно проходил по всему бугру с целью обнаружения признаков древних жилищ; априори можно было предположить, что таковые здесь могли быть, но прямых результатов в этом смысле не оказывалось.

После только что сказанного обнаружения землянки, я устремил свое внимание на западный спуск бугра, к озеру, где, действительно, и была найдена настоящая стоянка.

Место это почти ежегодно уже потопляется. Соседний песок высокой части бугра, по мере обнажения от растительности, сползает и закрывает собой участок, который некогда был обитаемым. Пробными разрезами песчаного наноса была обнаружена культурная почва с ямочными и другими черепками и каменными орудиями.

Первая траншея шириной в 2 метра, проведенная с запада на восток, от подошвы бугра к высокой его части на 20 м. в длину и на глубину всего культурного слоя, дала следующий профиль: сверху шел желтый мелкий песок от 0 до 1 м., ниже темный слой, местами переходящий в совершенно черный от 0,5 до 2 м., подстилающий пласт-серый песок. Следующие пять таких же траншей проведены были параллельно и три траншеи перпендикулярно к ним, в головах у первых, к высокой части бугра, при чем последней траншеей с двух сторон обогнули все продольные, что дало возможность выкружить почти весь культурный слой по границе его с основным песком. В южную сторону, к пойме, противоположной Велетьме, шла поросль, отчего работы здесь стоили больших трудов и поэтому они остались неоконченными. Пробными колодцами по заросшему месту в этом направлении, впрочем, было установлено, что там осталось культурного участка немного—около 0,2 всего.

Участок в виде трапеции в количестве 900 кв. м. (см. план) представлял яму, дно которой значительно опускалось в пяти местах, не считая других небольших углублений. Соответственно этим углублениям обнаруживался особенно черный слой, содержащий в себе измельченный уголь и выщелочившуюся золу. Слой, соседящий с этими углублениями, имел более бурую окраску, но был также рыхл, как и первый. Можно думать, что землянок было несколько, при чем некоторые из них в разное время забрасывались и засорялись, затем на их местах по новому плану рылись новые. Впоследствии разные природные агенты разрушали и эти сооружения, в довершение чего явилась позднее полая вода, которая размыла и окончательно осадила почву.

Находки подтверждают сказанное. Большинство вещей и черепков оказались на средней глубине, а некоторые в верхнем слое, что указывает, что предметы в свое время находились в надземных частях землянок, или за пределами постройки и затем, благодаря обвалам и разрушениям, свалились в ямы, попав в средний слой. Только в одном месте явственно обозначался очаг на дне ямы, где в зольном пласту и оказывались вещи: это был пункт в северном углу (на чертеже под б. А). Затем на дне же оказался горшок, раздавленный почвой в северовосточном углу (п. В.). Землянки, повидимому, были овальной формы размерами в среднем 3 на 4 м., ориентировка не постоянная, взаимное расположение также неправильное.

Пункт А. (черт. 2 и план., лит. А).

Яма около 5 метр. в длину и 3½ м. в поперечнике, со стороны бугра представлялась отчасти заваленной оползшей почвой из соседнего участка. В поперечном разрезе очертания ее казались явственными с нежилой части бугра – с северной стороны, где бугор снижается к суходолу, бывшему когда то речным руслом; с противоположной,—соседние сооружения, как было уже сказано, нарушили расположение пластов, почему нельзя определить явственно границ землянки, ни размеров ее в ширину,—указанная цифра в 3½ м. является приблизительной. Стенки, повидимому, не были отвесными, а шли покато или они оползли потом, если допустить, что у них когда то имелось укрепление вроде заваленки из деревянных жердей или плетня, что потом сгнило; дно, как будто, понижалось к середине.

Глубина 1,5 м., повидимому, получилась позднее, в действительности же была большей, т. к. эта часть жилого участка понижается ежегодными весенними размывами. Землянка из группы других была крайней к реке. На дне ее оказался зольник в виде круглого серого пятна, диаметром около 1 м.

В крае зольника оказались пять толстых скребков средней величины, грубой обделки и фигурный камень в виде головы птицы; все вещи побелели от огня. По соседству с ямой, в северозападном углу, на глубине 0,1 м. оказалась глиняная чашечка размерами немного более наперстка, с сосковидной ручкой и отверстием в последней для привязывания. Несколько южней, на глубине 15 см., найден был тонкий широкий скребок и другой скребок—кочедык, далее великолепное копье, которое лежало на поверхности

непосредственно под слоем песка (вероятно, было вымыто полой водой). С северо-восточной стороны ямы, на средней глубине, найдены были следующие вещи, не считая осколков и черепков: 1) скребков разных 5 шт., 2) нож, 3) конец ножа-пилы, 4) толстый скребок, 5) провертка в виде птичьего клюва, 6) провертка, 7) узкая стрела, 8) ланцетовидный скребок, 9) круглый скребок, 10) полукруглый (кожевенный) 11) задний конец долота, 12) часть плоского дна горшка, 13) черепок гладкостенного горшка, 14) каменное шило 15) глиняное кольцеобразное грузло.

По соседству с этим пунктом, в сторону бугра, оказался булыжник весом около пуда, выветрившийся и расколовшийся на 5 частей. Все камни лежали группой, непосредственно под слоем песка.

Пункт В. (план, лит. В.).

Этот пункт, захваченный, главным образом, 2 и 3 траншеями, дал наибольшую глубину в 1 м., с характерной перегорелой почвой. Очертаний ямы и явственных размеров ее определить нельзя, обозначалось только понижение дна траншей; место очага также осталось неустановленным, в виду того, что перегорелый слой расплылся по всей яме. На дне оказалась часть горшка с матерчатым орнаментом. Вещи находились к северу и северо-востоку от главной ямы, на глубине от 5 до 30 см., и располагались вдоль траншей 2 и 3. Здесь, не считая многочисленных кремневых осколков и черепков, главным образом с матерчатым орнаментом, найдены: 1) 7 разных скребков, между которых один кожевенного типа, обделанный ретушью, 2) провертка, 3) конец хорошо обделанной стрелы, 4) клевец, 5) плита из красноватого песчаника с перемычками по ребрам для привязи и плоскостью, обращенной в точильный брусок, 5) ладьевидных скребков 2 шт., 6) кривой скребок, 7) круглый скребок из песчаника, 8) передняя часть хорошо обделанного копья.

Пункт Б. (Черт. IV—Б; план, л. Б.).

Здесь глубина ямы доходила до 1,6 м, овал получил направление по длине траншей без явственного обозначения стенок в ширину; вещей на дне не оказалось совсем, а на средней глубине между прочим следующее: 1) толстый скребок, 2) тонкий скребок, 3) стрела, 4) точильный брусок (полукруглый), 5) кривой скребок, 6) кожевенный скребок,

7) тонкий скребок, 8) конец копья, 9) клювовидный скребок, 10) грузило из песчаника, 11) долотце из кремня грубой обделки и черепки с матерчатым и гребенчатым орнаментом.

Пункт Г. (Черт. II, пл., л. Г).

Глубина в этом пункте—1,8 см., а с поверхностным песком до 2,5 м. В сторону бугра и к северному его склону (к речке) очертания ямы давали фигуру, близкую к овалу. Присутствие угля придавало почве совершенно черный цвет. В северной стороне, близко к границе жилища—замечалось присутствие золы и найден был большой древесный уголь, напоминающий кусок доски. На дне, несколько в сторону от зольника, оказался толстостенный горшок средней величины, с отверстием в части горла и украшенный пальцевым орнаментом (см. образцы керамики); давлением почвы сосуд оказался совершенно смятым до разрыхления самой глины в отдельных частях,

Находками место оказалось довольно не бедным; кроме долота из желтого кремня, найденного на средней глубине в верхнем углу ямы, оказались на разных глубинах, без всякого порядка, вокруг зольника и над зольником, несколько разного вида скребков, не считая кремневых осколков, и несколько черепков с точечным орнаментом, часть плоского дна сосуда, ударник из песчаника, метательный камень, три обломка (задние концы) плохо обделанных копий и два подвеска из шифера.

К югу от п. Г. получилось значительное понижение общего дна выемки, в виде обозначившейся отдельной ямы, по величине близкой к землянке, оказавшейся в разрушенной части бугра. Яма продолговатой формы и ориентирована с юго-запада на северо-восток.

Пункт Д. (Черт. IV, л. Д).

Наибольшая глубина здесь—2 м., по соседству почва шоколадного цвета, присутствие золы и угля на небольшом участке в виде компактного пятна. Находки в беспорядке и большей частью ближе к поверхности. Из них наиболее важны: копья-буравы—2 шт., 2 стрелы, маленькое долотце, шило, тыльный конец долота и черепки с точечным орнаментом.

Пространство между п. п. Д и Б, по траншеям № 1 и VI, не представляя отдельного углубления (общая глубина около 1 м.), имело весьма темную, сильно перегорелую

почву, которая, будучи бедна какими либо вещами, кроме кремневых осколков, содержала черепки с чрезвычайно оригинальным рисунком, похожим на греческие „меандры", которые нигде в других пунктах не были найдены.

В промежутке между п. п. А и Б были найдены черепки с гребенчатым и матерчатым орнаментом, осколки кремней и на небольшой глубине оказался фигурный камень в виде „человека" или рыбы.

Оказавшийся в наших раскопках материал, подобно таковому же из других мест, может быть разделен на группы, соответственно тому или другому назначению представленных этими группами вещей.

Прежде всего орудия из некремневых пород, не постоянной формы, сравнительно значительные по величине, с желобком для привязи, это или ударники или грузила для сетей — точь-в-точь как в находках на Теше. Один из этих камней, плоский, мог служить определенно топором, хотя впоследствии ему придали другое назначение — точильного бруска.

Примыкающие к этой группе ударники из кремня не многочисленны и также имеют аналогию на Садовом Бору[1]). Камни той же формы, но менее значительные по величине, в Тешинских стоянках особенно попадались часто — они есть и здесь, на Велетьме. Ядрищами их считать нельзя, благодаря отсутствию правильных плоскостей, получаемых при технике отжима; большинство таких орудий обделано даже небрежно, как бы наскоро, лишь бы придать более или менее округлую форму. Такие камни я назвал метательными, с чем, между прочим, вполне согласен В. А. Городцов. Другого об'яснения трудно им и дать. (См. фотогр. 4 № 8).

Тот же род ударников из кремня, только вытянутой, а иногда и клювовидной формы, представляют „клевцы" (фот. т. 4, № 7). Их в Малоакуловской стоянке едва ли не больше, чем на Садовом Бору. Отделка, как там, так и здесь, грубая — видимо этот инструмент играл повседневную практическую роль и выделывался каждым.

Ни рубить, ни скоблить такими орудиями нельзя, — ими, очевидно, можно было пользоваться для удара. Будучи присаженными одной стороной в рукоять, вроде колотушки, чтобы что нибудь расколоть, пробить дыру в хрупком предмете, добивать зверя, пойманного разными способами, пробивать лед для зимней рыбной ловли — вот наиболее веро-

---

[1]) См. рис. орудия ст. Садовый бор — „ударники", рис. 1-2.

ятное применение такого орудия. Конечно, с помощью такого оружия можно было и воевать, если только в этом была надобность.

Столь же многочисленными, как и на Садовом Бору и у Сонина, являются средние и тонкие скребки с ретушью и без нее, применявшиеся в значении ножей. (Фот. 3, № 2 и фот. 4, № 2 и 6). Техника та же—отбивание ловким ударом и иногда дополнительная штриховка отжимником. Кремневых пластинок удлиненных, характерных для техники отжима, в Малоокуловской стоянке также оказалось мало, хотя здесь, между прочим, найдены и самые отжимники. Способ этот, как можно заключить по дополнительной обработке орудий, применялся, но, в противоположность Волосову, он здесь почему то не был распространенным.

Бросается в глаза обилие кожевенных скребков, причем большинство из них незначительной величины с полукруглым или овальным рабочим концом; попадаются экземпляры и с двухсторонней обделкой. К той же группе, по всей вероятности, следует отнести скребки в виде полного овала, почти круглые, из красного сланцеватого песчаника. (Фотогр. 4, № 3-5).

Довольно не мало скребков-кочедыков (фот. 3, № 5) для сдирания коры и работы при плетении—тип, вполне установившийся для подобной культуры и распространенный. Он варьируется от сравнительно широкого ладьевидного до узкого клювовидного-крючковатого. Первый я назвал бы „деруном", так как он больше пригоден для сдирания бересты, лыка и т. д., что до сих пор делается жителями лесных мест; второй—вид плоского загнутого шила для подковырки при плетении изделий из прутьев, корней, лубяных полос и т. п.—соответствует „кочедыку".

Своеобразным в ряду подобного рода инструментов является экземпляр расширенной формы, также с загибом, где в качестве рабочей части выступает один носок в виде зубчика. Это резец по дереву или кости (фотогр. 1, № 7 и фот. 4 № 1).

Кремневых шильев довольно не мало, (фотогр. 3, № 4) из них есть различные по толщине, в одном случае такой инструмент напоминает птичью головку с длинным носком. Проверток в числе этого рода вещей, т. е. коротких шильев, с расширенным нерабочим концом,—немного.

Для полноты картины в отношении указанного вида орудий мною собраны тонкие кремневые осколки, могущие служить шильями. Отсутствие ретуши на них не мешает

такому заключению, подобно тому, как это мы сделали в отношении тонких плоских кремневых осколков—ножей.

Характерным явлением для нашей стоянки оказывается присутствие шлифованных орудий—долот (фотограф. 3, №№ 1, 7 и 8). Замечательно, что долота здесь почти все из кремня—материала крайне неподатливого для шлифовки. Названные орудия и по назначению и по технике их изготовления дают некоторый материал для соображений в смысле характеристики Малоакуловского пункта в отличие от Тешинских. Кроме цельных инструментов помянутого вида, имеется немало осколков от них, с частями шлифованной поверхности, каковые осколки могли употребляться затем самостоятельно в виде скребков-ножей. Тип долот обычный, с полукруглым желобковатым рабочим концом и тупым тыльем.

Топоров оказалось всего два и то чрезвычайно малого размера, годного лишь для срубания прутьев и тонких кустов. Топоры также из кремня и имеют хорошую заточку, (фотогр. 3, № 6).

Между долотами и топорами стоят сверла, небольшого калибра, число их очень ограничено (фот. 2-я, № 4).

Переходом от этого типа к стрелам и копьям являются буравы—орудия, похожие на копья, но более толстые, задний и передний конец которых обычно почти не различаются; по ширине они обыкновенно представляют полуовал, а по толщине кажутся сплюснутыми, благодаря чему ими можно не колоть, а резать. Будучи присажены к древку и приводимы во вращательное движение, такие инструменты могут буравить дерево, а то и камень, если последний будет уступать по крепости самому инструменту. В крайнем случае ими можно было пользоваться в качестве копий—при некоторой подправке конца в смысле заострения (фотогр. 2, № 1 и 6).

Копий, если считать и их обломанные концы (обыкновенно задние), в нашей стоянке оказалось довольно много (на фотограф. 1 гр. 3 и 4); следует отметить случай находки одного довольно большого копья в этом же месте до меня одним краеведом-любителем[1]).

Копье (см. ф. 2, № 2) аналогичное таковому из Волосова, из коллекции Уварова, хранящемуся в Муромском музее. Оба орудия, можно думать, вышли из рук одного и того же мастера-специалиста. Такой же работы и часть копья (перед-

[1]) Гусев, брат учителя с. Позднякова, Гусева Н. П., разведкам которого я весьма обязан; проходя по бугру после водополья 1925 г., он нашел помянутое копье. Копье листовидной формы, довольно хорошей обделки, из кремня тельного цвета. Размеры: длина 11,2 см., наибольшая ширина 5 см. и толщина 1,6.

ний конец) несколько меньшей величины (ф. 2, № 1). Малое копье (см. фот.) уже не столь совершенной выделки и иного типа (на длинной ножке). Другие копья совсем посредственной работы, а найденные нижние концы их (сами копья были сломаны при работе и утеряны) совсем уже кажутся грубыми (фот. 1-я, № 4) Последние, несомненно, являлись изделиями домашнего мастера, каковой факт мною отмечался и ранее в описаниях подобных находок на Ушне и в других местах.

В отношении стрел, однако, здесь нет такой резкой разницы: Малоакуловские стрелы, а их не мало, все почти великолепной выделки. Это же следует сказать и относительно стрелы, найденной у обвалившейся землянки. Все они узколистовидной формы (фот. 1, гр. 6-я).

Необходимо коснуться „фигурных камней" и подвесок. На Садовом Бору мы имели нечто в этом роде. Здесь фигурные камни напоминают формы животных и человека. „Утица" (фот. 3, № 9), сделанная из кремня, вышла несколько грубоватой, но сходство с натурой в общем схвачено верно. „Человек" (ф. 3, № 10) тоже представлен крайне схематично и еще схематичнее дана другая форма (ф. 3, 11), но это об'ясняется тем, что все это сделано из самого трудного в смысле обработки материала—кремня. По соседству, в Волосове до сих пор находят такие образцы художественного примитива и как раз и там фигурируют утицы, на ряду с другими, менее определенными, формами. Связь, следовательно, в этом отношении Малоакуловской стоянки с Волосовской культурой налицо[1]).

Шиферные подвески также напоминают Волосовские. Одна из двух найденных нами сказанного характера вещиц, в форме капли (фотогр. 1, № 1), весьма совершенно опилена и старательно отшлифована. Вследствие тонкости работы она не уцелела полностью — переломилась на месте отверстия. Другая подвеска довольно груба—это просто плоский кусочек камня с дырочкой (фот. 1, № 1а.) Отверстия проделаны в обоих вещах одинаково—посредством сверления с двух сторон.

Из других находок отмечен кусок сгоревшего дерева, обделанного плоско, на подобие доски. Дерево, кажется, хвойной породы и, вероятно, применялось в постройке, либо в хозяйстве. Сколько-нибудь определенно сказать о форме вещи—по скудному и вдобавок обуглившемуся обломку—нет

---

[1]) Имеются в виду находки старшего Волосовского могильнике. Находки последнего времени, колл. Муромского музея.

возможности, одно лишь можно установить: этот кусок древесины в известной мере был обтесанным.

Что касается керамики, то она в общем напоминает Тешинскую, но в рисунках меньше разнообразия[1]). Черепки с ямочным орнаментом и круглым дном сосуда по количеству составляют около одной десятой всего и представляют собой остатки девяти или десяти сосудов, при чем черепки каждого сорта в лучшем случае могут составить половину цельного горшка, в большинстве же это отдельные осколки.

Черепки от плоскодонных сосудов по орнаменту разделяются на 42 группы. Большое количество черепков с матерчатым орнаментом, при чем часть их имеет особые отпечатки по внутренней стенке, в виде полос разводами. Гребенчатый оттиск в виде украшения иногда перемежается веревочным, ямочным снаружи или изнутри. Некоторые образцы попадались на Теше и в Панфиловской стоянке.

Форма горшков тоже не представляет чего либо особенного.

Совершенно оригинальным представляются черепки от двух сосудов, Один из них от цилиндрического горла, повидимому, довольно большого сосуда, из бледнокрасной, плохо обожженной, глины с гребенчатым орнаментом в елку с соответствующим ему углубленным рисунком изнутри[2]). Другой образец довольно хорошего обжига из краснобурой глины с орнаментом коньками настолько сложной комбинации, что этому рисунку приходится отвести особое место (см рис. орнаментов Малоак. ст. № 24).

Такой рисунок „меандр" до некоторой степени напоминает мордовское шитье на кокошниках и сороках, а также вязанье на кружевах западных финнов. К сожалению, таких черепков, как и в других образцах, опять таки всего 2—3, что составляет незначительную часть сосуда.

Из других изделий из глины оказалось грузило в виде жерновка не совсем правильной формы и своего рода курьез—малюсенькая чашечка (на фот. 1, № 17), размером немного более наперстка.

Какое назначение имела чашечка—сказать можно только с известной долей фантазии. Видевший эту вещицу этнограф Куфтин считает ее игрушкой. Представляя дело с более практической стороны, вещь можно бы считать ложкой, т. к. она имеет ручку и напоминает глиняные ложки из

---

[1]) См. рис. табл. I и II. Колич. рис. исчерпывает все образцы орнамента, в противоположность другим таблицам из Тешинск. стоянок, где представлена незначительная часть таковых.

[2]) Гр. Уваров подобный орнамент отметил в находках Ярославской губ., Уваров. Археологич. Росс., т. II, рис. 340, табл. 29.

финских могильников, но этому толкованию не отвечает малая величина предмета, да и случай подобный находки, пока что, является единственным.

После краткого обзора индустрии жителей Малоакуловской стоянки сделаем некоторые общие выводы относительно характера найденной культуры. Сравнительно подробное описание Тешинских населенных пунктов, которые в общем по находкам довольно близко стоят как к Волосову, так и к остальным местам по соседству, делает ненужным повторение всей картины жизни и быта обитателей нашего бугра; остановимся, главным образом, на том, что здесь оказывается характерного и оригинального в сравнении с другими культурными пунктами.

Прежде всего—величина бывших землянок. Размеры обвалившейся землянки в средней части бугра, в откосе, благодаря ее одинокому положению в соседней песчаной почве, хорошо видимы и дают представление о глубине и форме дна. Величина ее напоминает современные рыбацкие землянки в 4—5 метров в поперечнике, круглая или овальная, метра два ниже поверхности земли, с дном на подобие чаши, среди которого находился очаг, около последнего, как было сказано в своем месте, оказался горшок.

Землянки на месте произведенных раскопок не поддаются точному определению в смысле очертания и общей конфигурации, по причинам, также отмеченным в своем месте, но приблизительно были установлены в таком же роде. Землянки эти, следовательно, не были так велики, как это мне пришлось установить на Садовом Бору, хотя и не так малы, как у Сонина. Спрашивается: были ли это постоянные или временные, промысловые жилища?

В наше время место, где находились землянки, стало потопляемым и, следовательно, о жилье здесь, по крайней мере в пору весеннего речного разлива, не может быть и речи, за исключением той землянки, которая обнаружилась в высокой части бугра. Но строить так низко жилища здесь не было надобности, в виду соседней возвышенности, которая остается и в самые большие разливы непотопленной. Очевидно, в прежнее время место стоянки еще не было поймой. Разрезы почвы, сделанные В. А. Городцовым по другую сторону Оки, у Панфиловской стоянки, дали возможность судить о степени поднятия уровня местных речных отложений за время существования стоянки и они подтверждают сказанное и относительно нашего пункта.

Но весенний разлив угрожал найденной нами стоянке с другой стороны: бугор в это время представлял собой

сравнительно небольшой остров и жители его рисковали быть отрезанными в течение всего водополья от остального мира. Картина эта знакома всем жителям поймы до сих пор и особенности такой жизни заставляют к ней приспособляться.

Среди наших находок оказалось довольно большое количество желобковатых долот, свидетельствующих о судостроении и судоходстве. Значит, древние малоакуловцы, как и теперь, в противоположность жителям истоков малых рек, привыкли смотреть прямо в лицо опасности и находили выход с помощью лодок и плотов, насколько это оказывалось возможным. Умение плавать на примитивных судах и плотах давало возможность не только находить добычу в виде рыбы или дичи, но и позволяло неособенно замыкаться на своем острове вообще, приучая и развивая любовь к путешествиям с предпринимательской целью. Этим об'ясняются находки чрезвычайно любопытных керамических образцов, повидимому не местного происхождения.

Но поселения эти не были и только летними, о чем свидетельствуют многочисленные клевцы и другие орудия, служившие для пробивания льда при рыбной ловле и зверином гоне. Если представить тогдашнюю жизнь в подробностях, то наибольшая сумма удобств и благополучия в ней приходилась на первые зимние заморозки. В это время совершенно пропадал „гнус“[1]), самый главный бич всего живого в древности, начинались перегоны лосиных стад, подросшего, но еще неопытного молодняка, который так легко поддавался обманам скольского льда на озерах и реках; в полыньях полоскались жирные утки и гуси, от холодной воды становилась совершенно смирной рыба...

За такие занятия с наступлением зимы говорят и многочисленные нахождения здесь копий, ломавшихся у древка при отважной работе. Большой ассортимент кожевенных скребков и шильев свидетельствует о развитии здесь, при всем прочем, кожевенного и мехового дела.

Итак, близость поймы Оки делала обитателя Велетьмы не домоседом-лесовиком или охотником-следопытом, а более подвижным и смелым в своих поисках, чем другие жители захолустья. В сравнительно небольших землянках не было места целому роду, здесь могла уместиться трудовая семья. Разнообразные занятия, смотря по времени года, большая промысловость, чем простая форма „кормиться“ и, может быть, воинственный авантюризм—вот вероятный облик обитателей нашей стоянки,

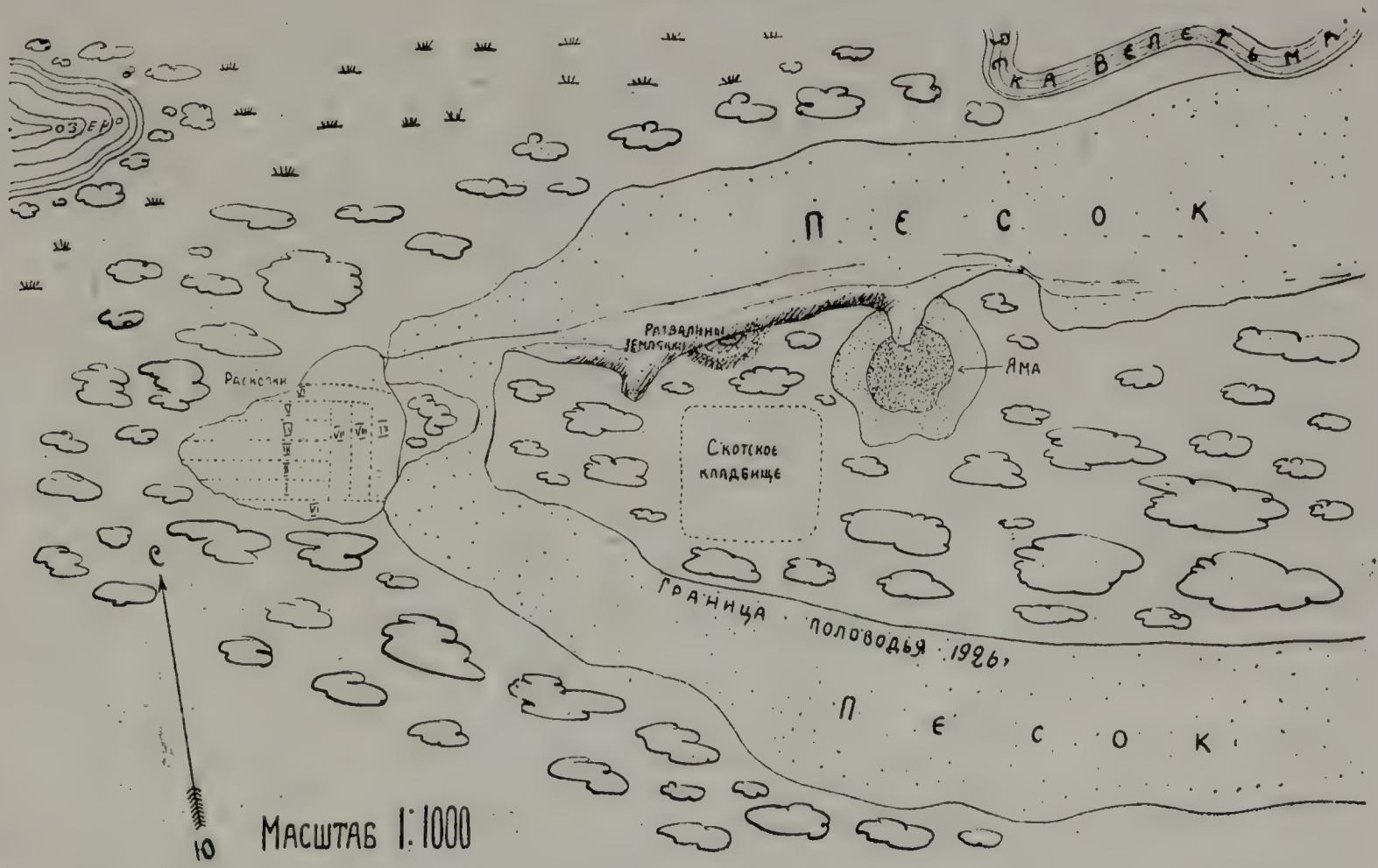
---

[1]) Комары и мошки.

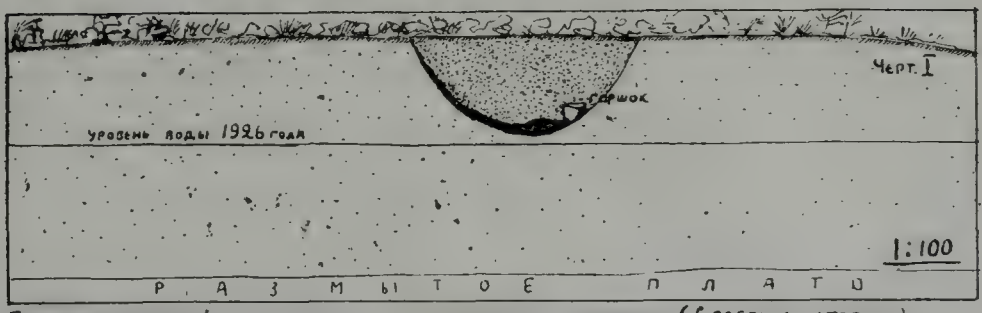
Что касается возраста и продолжительности существования описываемой культуры, то здесь вряд ли можно говорить в „абсолютных цифрах“. Говоря относительно, я думаю, что начало стоянки относится к несколько более позднему, чем описанные жилища на Теше, времени. Руководящая керамика в общих чертах и в том и в другом случае одинакова: всюду присутствует круглодонный ямочный сосуд. но здесь, при кругловатой форме сосуда преобладает плоское дно, матерчатый и гребенчатый орнамент; некоторые новшества в малоакуловской культуре об'ясняются, как мы видели, возможностью заноса вещей издалека, что также указывает на более позднее время В инструментах различные техники обделки камня: отбивная и отжимная,—доказательство того, что было домодельное мастерство и специальное, пользовавшееся по преимуществу отжимом. Большинство керамики поздней и сходство некоторых образцов ее с Панфиловской, где найдена была бронза, говорит за то, что стоянка дожила до палеометалла и, как знать, что предки нашей мордвы времен Геродота не жили в этих местах еще в каменном веке.

Малоакуловский бор.

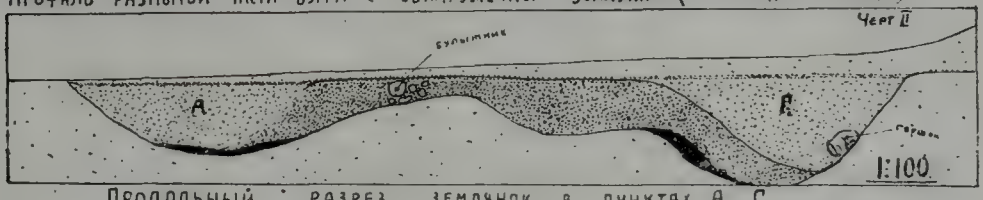
Раскопки в июне—июле 1926 года.



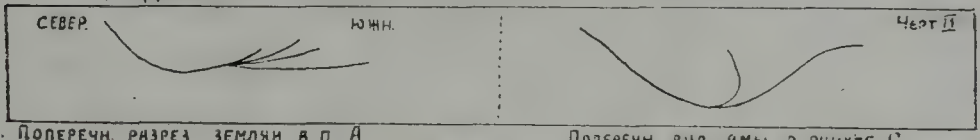
Малоакуловская стоянка.



Профиль размытой части бугра с обнаружением землянки. (Северная сторона)

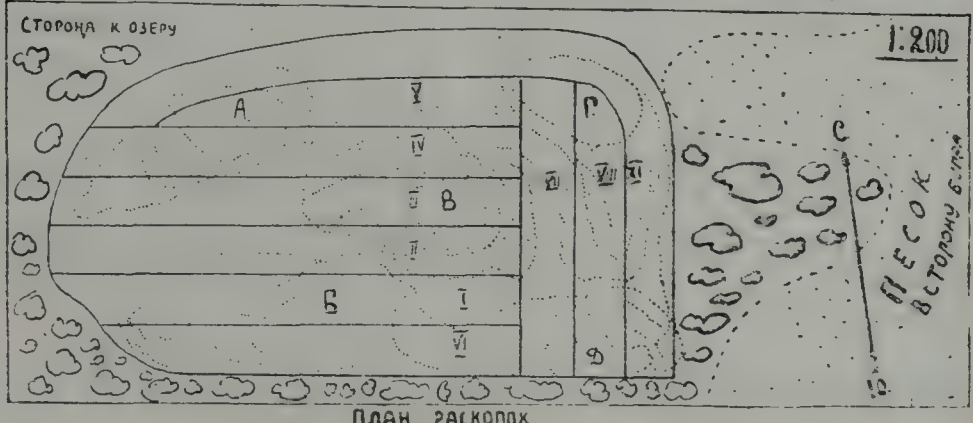


Продольный разрез землянок в пунктах А Г



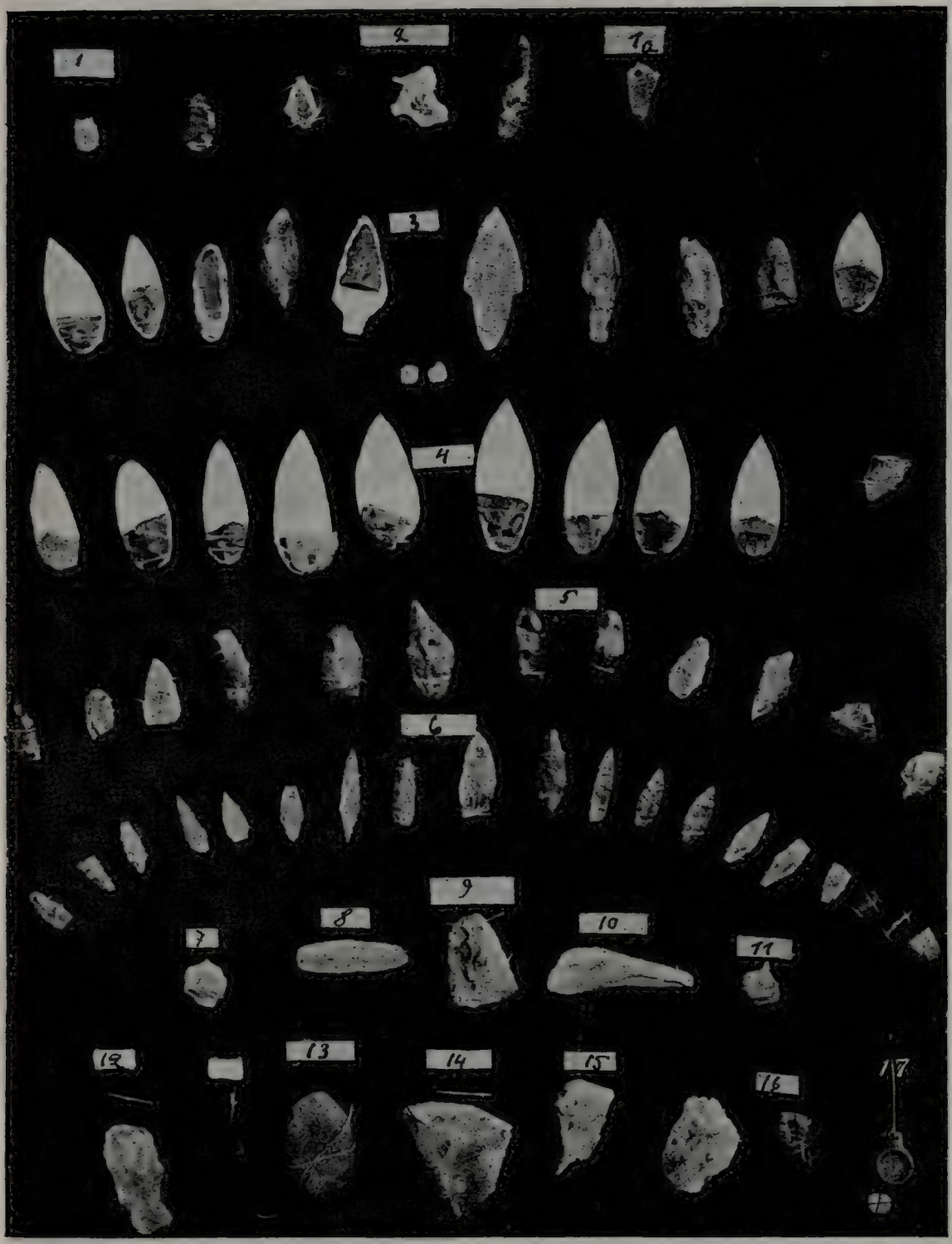
Поперечн. разрез землян. в п. А Поперечн. вид ямы в пункте Г

Продольный разрез почвы по траншее № V (п.п Б и Д)



План раскопок

Образцы каменных орудий Малоакуловской стоянки.



№ 1—подвески из шифера, № 2—фигурные камни, № 3-4—копья, № 5—сверла и буравы, № 6—стрелы, № 7—резец, № 8—нож, № 9—кожевенный скребок, № 10—кочедык, № 11—проверка, № 12—клевец, № 13—овальный скребок из песчанника, № 14—широкий тонкий скребок, № 15—проколка, № 16—метательные камни, № 17—чашечка из глины.

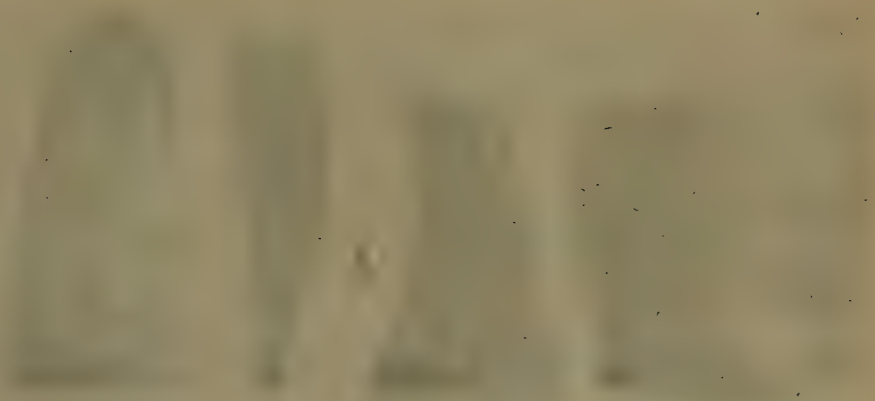
Образцы орудий Малоакуловской стоянки.

(В натуральную величину).

№ 1—концец из темносинего кремня, № 2—конье из тельножелтого кремня, № 3—стрела из желтого кремня (найдена в осыпавшейся землянке в высокой части бугра), № 4—бурав, или сверло и № 5-6—тоже.

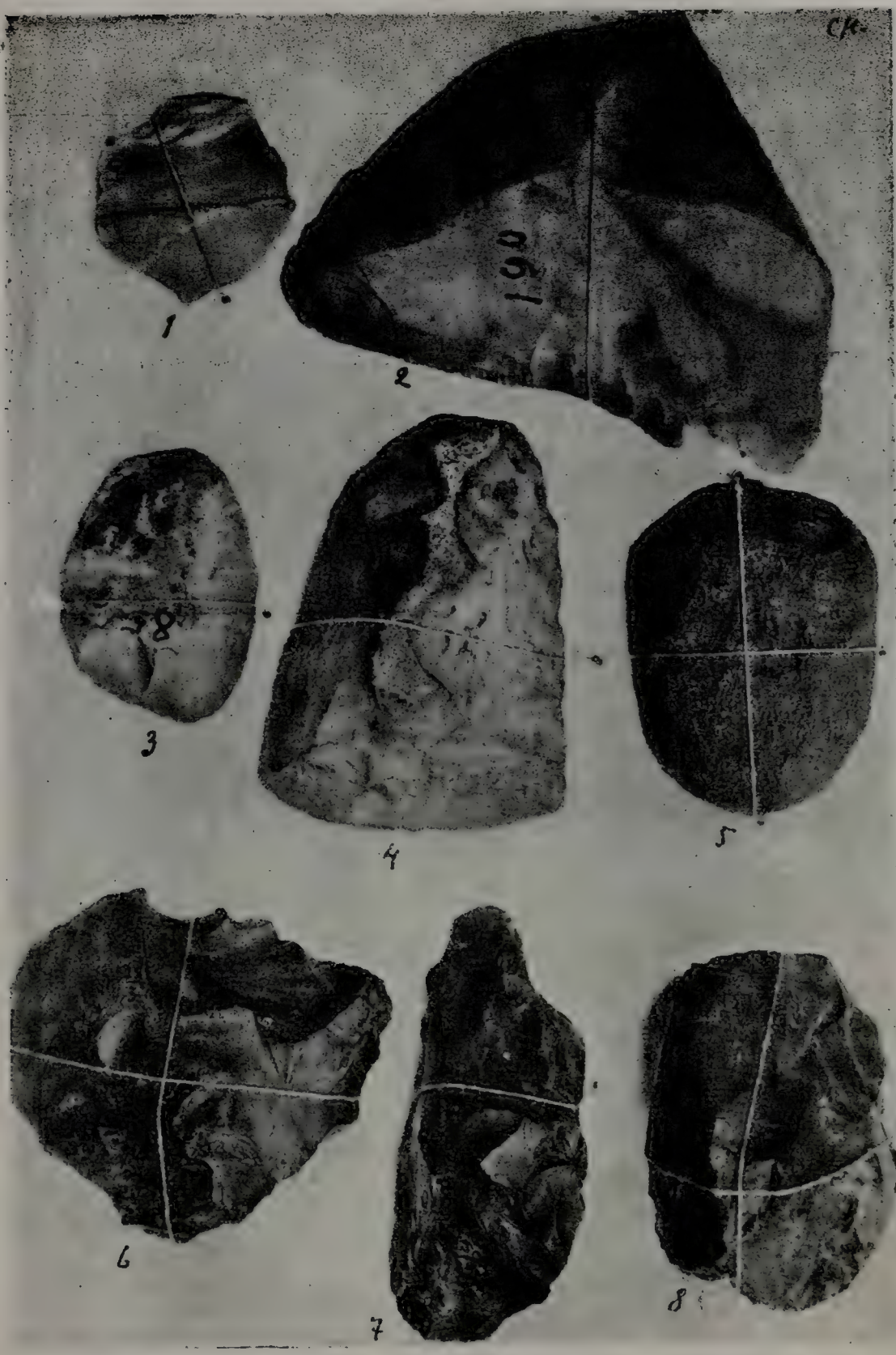
Образцы орудий Малоакуловской стоянки.
(В натуральную величину).

№№ 1, 7, 8,—долота. № 2—тонкий скребок, № 3 - шило, № 4—нож, № 5—скребок с загибом (коче-



Образцы орудий Малоакуловской стоянки.

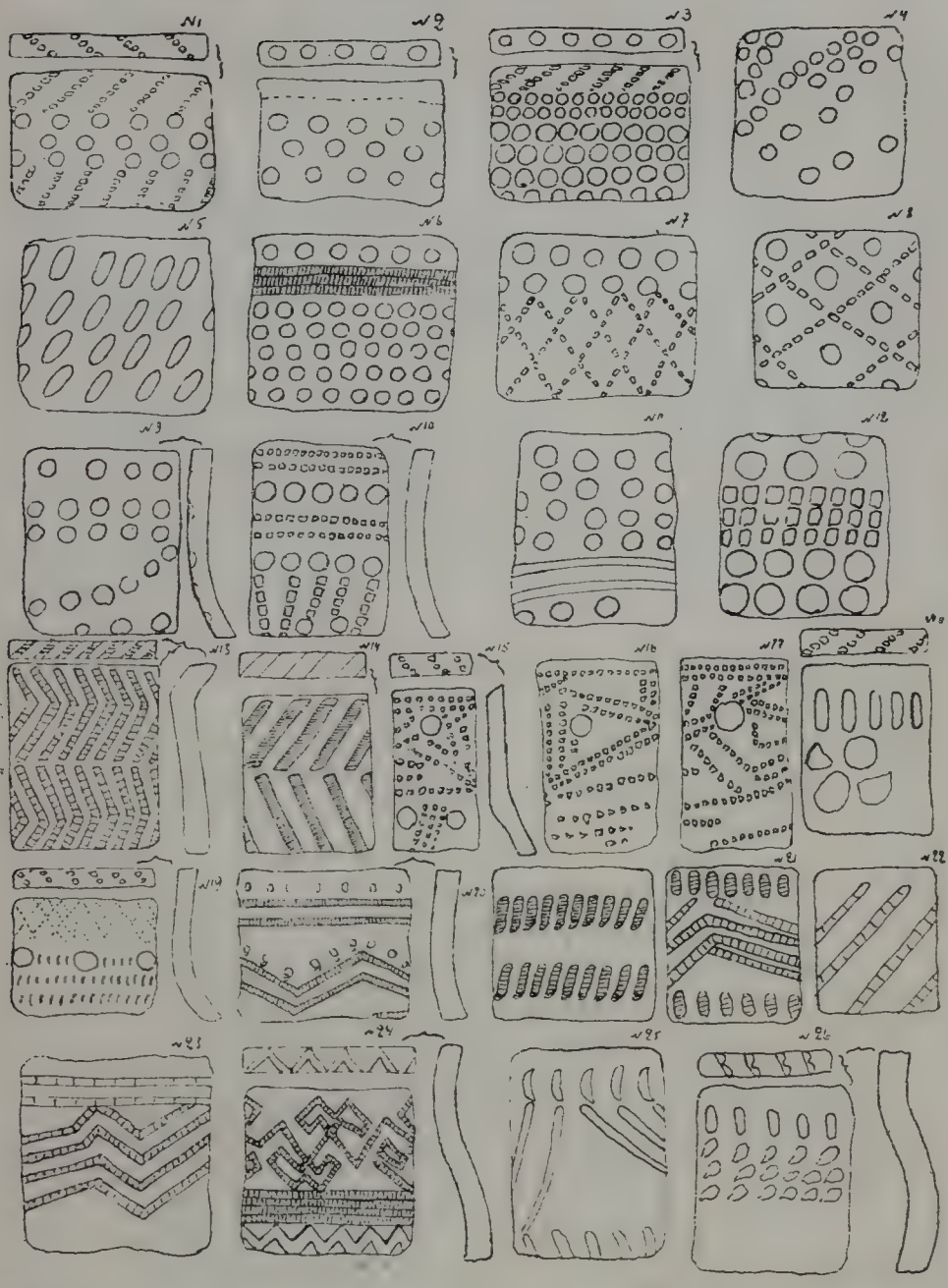
(В натуральную величину)



№ 1—резец, № 2—тонкий, широкий скребок, № 3 и 4—скребки для выделки кож, № 5—овальный скребок (кожевенный) из песчаника, № 6—толстый скребок, № 7—клевец и № 8—метатель-

Таблица № 1.

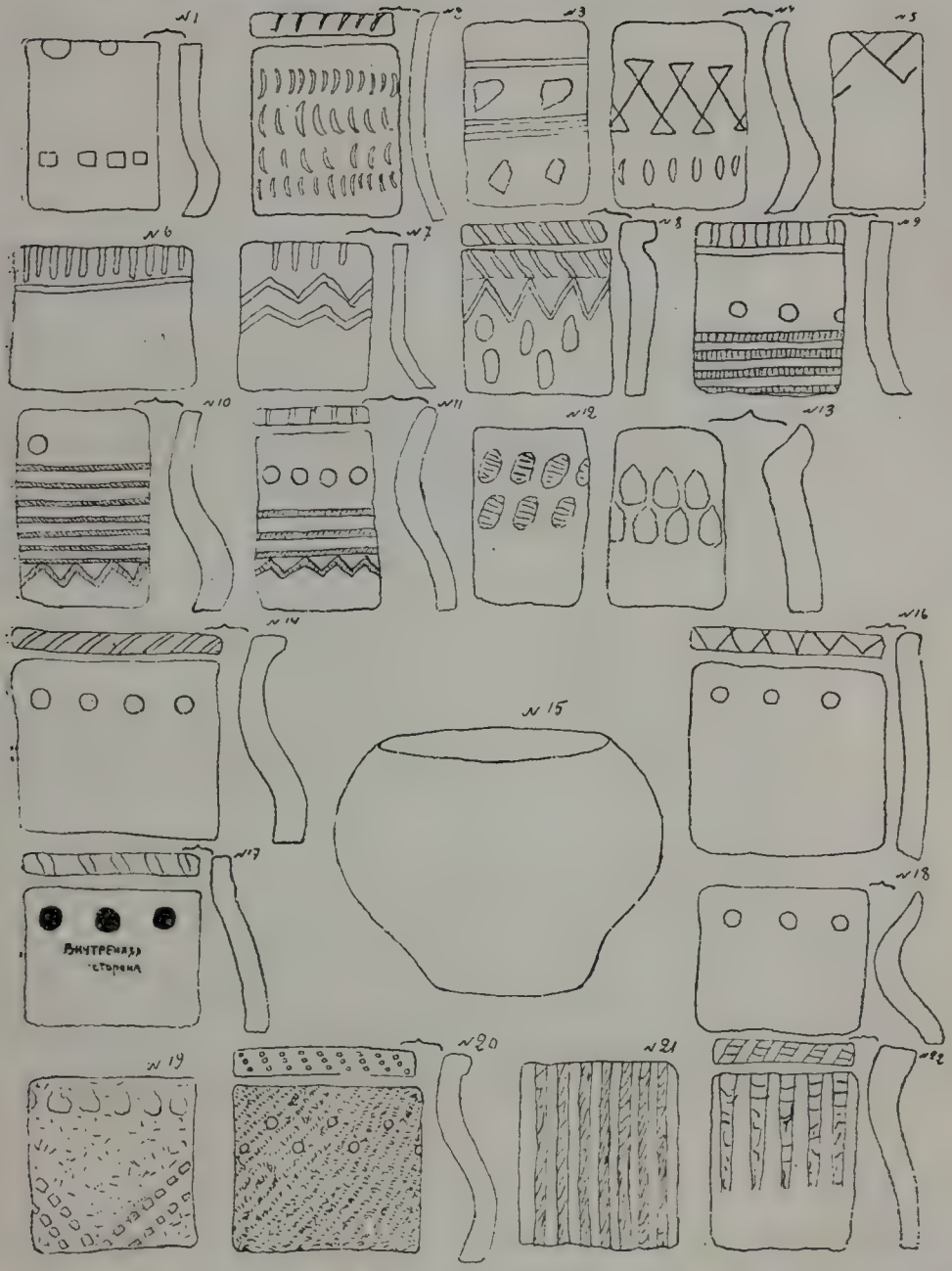
Образцы керамики Малоакуловской стоянки.



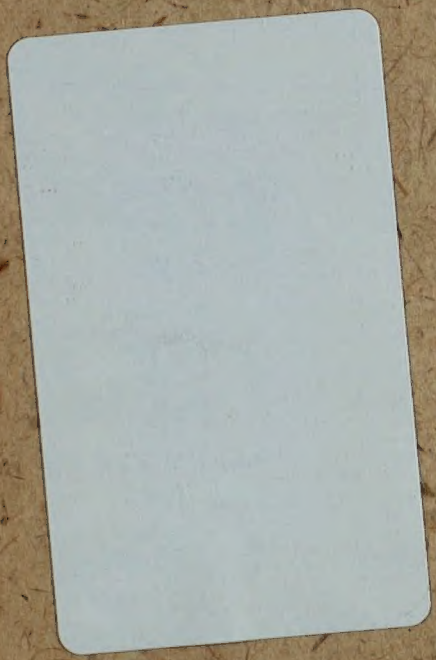
№№ 1-12—черепки с ямочным орнаментом, из красной и желтой глины плохого обжига, №№ 13-26—из сероватой глины, более крепкого обжига.

Таблица № 2.

Образцы керамики Малоакуловской стоянки.



№№ 1-11—черепки тонкостенные, № 12—от толстостенного сосуда, №№ 19-20—матерчатый орнамент.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ:
Стран. 12, строка 5 сверху: во-первых	в первых
Стр. 12, стр. 6 сверху: во-торых	во вторых
.. .. снизу: маяком:	манком
Стр. 15, стр. 20 сверху: станками	стенками
Стр. 18, стр. 6-7: снизу: нового ряда	новыми рядами
Стр. 26, стр. 10 сверху: грузло	грузило
Стр. 33, стр. 2 сверху: подобный	подобной